

Экспедиция в Анди, август 1981 г.

3/VIII

Я спал под яблоней. Дул ветер и яблоки падали, но мне везло – мимо. Чуть начало светать, и в двух шагах от меня (но уже по другую сторону забора, на улице) время от времени проходили рыбаки. Амур – хозяйский пес – их старательно облаивал. Под его лай я еще подремал. Потом стало светло. Пасмурное небо не внушало доверия. Вот-вот начнется дождь. Я встал. Дед и бабка тоже уже поднялись, а приехавшие «молодые» еще спали. «Молодые» – это наш экспедиционный шофер Саша с женой.

Я еду в лингвистическую экспедицию в Дагестан. Напросился к своим друзьям – Саше Кибрику (не путать с шофером – тоже Сашей) и Сандро Кодзасову. Они уже много лет ездят в Дагестан. Кибрик – организатор и бессменный начальник этих экспедиций, а Сандро – его ближайший соратник. Еду я – посмотреть Дагестан. Я не лингвист и работать в экспедиции не могу. Еду, конечно, за свой счет.

И вот я «сопровожаю» экспедиционную машину, которую ведет Саша-шофер. Мне даже выписали липовую бумагу, в которой меня именовали доцентом филфака и заместителем начальника экспедиции. Бумага (мандат, как я ее называл) была подписана деканом филфака и содержала обращение к властям тех мест, где мы будем проезжать и работать, дабы оказывали нам возможное содействие.

Накануне отъезда, т. е. позавчера вечером, Саша мне позвонил и сказал, что хочет завезти свою жену и сына в деревню под Воронеж, где живут его дед и бабка. Это по пути, и я не стал протестовать. Может быть, это было легкомысленно с моей стороны. Он почувствовал мою слабость и, когда мы уже приехали, сказал, что дальше мы поедем только завтра утром. И я опять не протестовал. Времени нам действительно хватит – чтобы вовремя приехать (если, конечно, никаких неожиданностей не будет – машина будет в порядке и бензин будет по дороге).

Сюда-то – до Сашиной деревни – мы доехали удачно. Встретились вчера на пл. Восстания в девять утра – Кибрик вынес свои рюкзаки и давал последние напутствия. В половине десятого поехали искать масло по заправкам. Это оказалось непросто. Саша говорил, что он еще утром больше часа крутился по Москве и искал – тщетно. Объехали несколько колонок и тоже не нашли. Заехали к нему домой, там они минут сорок собирались. Наконец поехали. По дороге посетили еще несколько заправок и наконец на Каширском шоссе повезло – есть масло. И вот около двенадцати пересекли кольцевую дорогу.

Я сразу же стал клевать носом. И до этого несколько дней я не высыпался, а накануне лег в три часа ночи.

Сашина жена Ира – девка лет девятнадцати – и годовалый Коля ехали в кузове. Саша им там приготовил «гнездо» – у переднего борта на ящике войлок, несколько спальных. Потом они запросились в кабину, а я перебрался туда, там спать было еще удобнее. Так мы несколько раз менялись. По дороге Саша заправлялся при каждом удобном случае – напуган тем, что с бензином плохо. Часов в пять мы пообедали – вышли в лесочек и всухомятку съели снесь, взятую из дому. В Москве была жара, хотя с утра и было пасмурно, потом разведрилось. А тут, около Ельца – прохладно, дождь вот-вот пойдет. Поели – и дальше. Я продолжал спать. Часов в девять проехали Воронеж. В деревню приехали около одиннадцати, в полной темноте уже.

Дед с бабкой их с радостью встретили. Поужинали. Они распили бутылочку. Я ограничился символической дозой. Зато чаю заварил и три чашки выпил – после «сухой» дороги.

Попробовал улечься в машине – но газом воняло (канистры с бензином и маслом мы еще раньше вынули). Устроился под яблоней, благо небо очистилось. Дорогой и ночью – отоспался, наконец.

Утром – пасмурно, время от времени моросит. Пока Саша с женой спали, а потом «ворковали» (бабка о них – безо всяких кавычек), дед рассказал мне всю свою жизнь. Как на помещиков работал (где больше заплатят, туда и идешь...). Потом – мобилизовали на гражданскую войну, отслужил 4,5 года. Вернулся – крестьянствовал, женился. Потом послали на курсы председателей (видимо, председателей сельсоветов). Вернулся – и стал председательствовать. То тут, то в другом селе. Как раз коллективизация началась и раскулачивание. Говорит, что многим помог «восстановиться» после раскулачивания. Про то село говорит: «Там из 640 дворов 120 раскулачили. Там актив был алчный». Говорит – как его назначили, стали заявления писать, чтобы обратно из раскулаченных. Он в район поехал. И, говорит, комиссию назначили и только 32 двора осталось раскулаченных, и тех, говорит, потом назад вернули. До сих пор, говорит, помнят – и эти люди, и их дети, ходят, благодарят. Потом и бригадиром был, и председателем колхоза, и агрономом (курсы кончил агрономские, так-то образования у него – 4 класса, но разумный человек). И в войну председательствовал. Бронь была. А потом – отобрали. Говорит – пьяному председателю рай- (или обл-) исполкома не дал барашков – закусить. Воевал, ранили. Стал служить в сандружине. И тут его посадили. На 8 лет, за пособничество в убийстве. Говорит – зашли в ресторан в Румынии, а там два пьяных офицера дрались с румынами. Обрадовавшись своим, один из них выхватил пистолет и уложил трех румын. Приехал патруль, всех забрали, после следствия офицерам – по 10 лет, а им с шофером – по 8. Говорит – сами дураки, знали, что невиноваты, и смиренно сидели. А легко можно было удрать, никто нас не охранял. Отсидел (сидел, говорит, легко, начальство понимало, что не виноват, и он в бригадирах ходил, но обидно было – ни за что). Вернулся – опять стал бригадирить. А потом – на пенсию. А работать бросил окончательно года два назад (он 1901 г. рождения). Живут вдвоем с бабкой. Держат кур и пса с кошкой. Огород – 50 соток. Половину сдают людям в аренду, половину сами обрабатывают. Своя картошка, помидоры, огурцы, лук. Яблоки, малина, крыжовник. Зерно курям – то совхоз дает (или продает подешевле), то кто-нибудь из детей или внуков достанет. Говорит – нам всего хватает. Дед – хороший, бабка – тоже.

Утром позавтракали, Саша с дедом пошли на пруд рыбу ловить. А я пошел погулять. Тут большое село – Петровское. А рядом – большой сахарный завод, видимо, еще дореволюционный. Целая система прудов для него. Первый – воняет, там рыба не живет (но утки и гуси плавают). Остальные зарыблены. Но, видимо, не промышленно (или только для галочки). Но на удочку, дед говорит, много можно наловить. И крупные сазаны попадаются. У него в ведре к нашему приезду два карася плавали. А Саша утром ловил – ничего не поймал. Сейчас снова пойдут.

Пасмурно и прохладно. И хотя прежней жары не хочется, но все-таки солнышко и градусов 25 было бы лучше. Особенно для дороги и ночевки под открытым небом.

Бабка обещала узнать про картошку. Если не удастся купить, то нужно давать Кибрику телеграмму, чтобы в Москве покупали. Где покупать картошку – обсуждали перед отъездом. У них был стереотип – картошка покупается по дороге, в Воронежской области. Но обычно они уезжали в июле и заставляли там сравнительно недорогую старую картошку. А в этом году отъезд в августе, да и в прошлом году был неурожай. Я предлагал купить в Москве появившуюся уже и не слишком дорогую молодую картошку. Но Кибрика с проторенной дороги не собьешь. Договорились – будем искать по дороге.

И вот оказалось, что в Воронежской области старой картошки уже нет, так поздно, а молодая в этом году запоздала и ее еще не копают, на рынке она очень дорогая, по рублю килограмм. Я дал телеграмму и картошку купили в Москве, привезли потом в Грозный на поезде. А первое, что мы с Сашей увидели на Грозненском рынке в государственном лотке – прекрасная молодая картошка и даже на копейку дешевле, чем в Москве.

Экспедиция

Мы едем в Анди, дагестанский аул, жители которого – а их несколько тысяч – говорят на андийском языке. Кроме них на этом языке говорят еще в нескольких селах, расположенных рядом с Анди. А больше по-андийски нигде в мире не говорят. Андийский язык – один из нескольких десятков дагестанских языков. Точное число этих языков – само по себе понятие не очень точное, все зависит от того, как считать. Тут почти в каждом селе говорят по-своему, и граница между языком и диалектом достаточно условна. Большинство языков относится к дагестано-нахской семье, занимающей в классификации языков такое же место, что и индоевропейская, к которой относятся такие разные языки, как русский и литовский, английский и испанский, армянский и санскрит.

Андийский язык – далеко не самый маленький из дагестанских языков, но письменности на нем нет. Только на пяти языках дагестанской группы есть письменность – на аварском, лезгинском, даргинском, лакском и табасаранском. В андийских школах не только не учат родной язык, но и преподавание ведется вначале на аварском, а в старших классах – на русском языке. Слишком мало андийцев. Только достаточно большой народ может позволить себе такую роскошь – учить родной язык в школе, читать на нем книги, газеты. Даже если была бы письменность – создание учебников, обучение учителей, издание книг и газет на родном языке – дело для маленького народа непосильное. Слишком сложно организационно и слишком дорого. Маленький народ всегда в неравных условиях по отношению к большим народам.

Жители Анди говорят на своем языке не хуже, чем жители Москвы – на русском. Но лингвистами андийский язык описан довольно плохо. Описанием русского языка вот уже несколько сот лет занимаются, наверное, тысячи лингвистов и в России, и за границей. И проблем, малоизученных явлений – хоть отбавляй. А описанием андийского занималось всего несколько человек. Вот и едет наша экспедиция. Это – не первая экспедиция филологического факультета МГУ на Кавказ. Уже четырнадцатый год ездят преподаватели и студенты отделения структурной и прикладной лингвистики филфака МГУ в Дагестан. Составлены описания хиналугского, арчинского и многих других дагестанских языков. Ездят экспедиции МГУ и на Камчатку, и в Киргизию.

Иногда экспедиции большие, человек по 20–25. В этом году – маленькая. Начальник, как всегда, Кибрик. Сандро Кодзасов и Ира Муравьева – сотрудники Лаборатории структурной и прикладной лингвистики филфака. Пятеро студентов: Адя, сын Кибрика, и его приятель, Володя Туровский, – после 2-го курса; Володя Плунгян и Миша Селезнев – после 4-го; Анята Зализняк, собственно, уже не студентка, она в этом году окончила университет и будет поступать в аспирантуру. Кроме того, едут Мира Бергельсон и Катя Рахилина. Мира кончила университет два года назад, а Катя – в прошлом году. И я – «вольнотопределяющийся». Да, еще Тамара, жена Сандро, проведет с экспедицией неделю. Мы с Тамарой единственные, кто едет в первый раз. Кибрик и Сандро ездят каждый год, в некоторые годы – по два раза (на Камчатку и в Дагестан). Ира ездит начиная с 67-го года почти в каждую экспедицию. Мира и Катя тоже уже 3 или 4 раза съездили. Катя так же, как и я, едет за свой счет, во время отпуска. Мира тоже тратит на экспедицию свой отпуск. И, в отличие от меня, обе они едут работать. И студенты – народ опытный. Адя начал ездить в 6 лет (конечно, не научным сотрудником). Туровский второй раз едет, Плунгян и Селезнев – в третий или в четвертый.

Университетские экспедиции сравнительно бедны. Дается машина – в этом году ГАЗ-66, маленький крытый грузовичок с хорошей проходимостью. За много лет скопилось кое-какое барахло – газовые плиты и баллоны, палатка, несколько раскладушек и старых спальных мешков, кастрюли, сковородки и т.д. Кое-что каждый год прикупается – за счет университета. Студентов оформляют на работу лаборантами (рублей 80 в месяц), для преподавателей и сотрудников кафедры – это командировка.

Сборы в экспедицию похожи на сборы в турпоход. Каждый берет с собой спальный мешок, миску, кружку и т.д.

Примерно за месяц до отъезда было общее собрание. Главный вопрос – продукты.

Почти все закупается заранее, в Москве. Еще раньше было дано задание искать «дефицит». Выясняли – кто и что купил. Кибрик достал 8 литров сгущенки, Катя сделала заказ на индийский чай и гречку, Ира купила топленое масло и рис особого сорта, длинненький. Кто-то из студентов купил какие-то финские рожки. Эта готовность тратить время и энергию на поиски финских рожков и длинненького риса меня несколько удивила, особенно после рассказов о том, что обычно в экспедициях образ жизни спартанский и со жратвой – туго. А тут еще перечисляется, что нужно купить. Вот выдержки из списка: фасоль, курага, изюм, чернослив, какао, варенье... И это – не считая скоропортящегося дефицита, который нужно было доставать перед самым отъездом – сухая колбаса, сыр, яйца, сливочное масло. И потом достали почти все. Про колбасу звонили несколько раз директрисе специального магазина Останкинского мясокомбината и она, в знак уважения к Московскому университету, выдала несколько килограммов салами финского производства.

Обсуждались на собрании и другие вопросы. Студенты должны были подготовить карточки словаря – на каждой карточке русское слово и его эквивалент на аварском языке (литературном в Анди) и на нескольких близких (уже обследованных) языках. А на месте у информантов будет выясняться, как эти слова звучат по-андийски.

Была назначена дата упаковки всего экспедиционного барахла и дата погрузки.

Паковались мы в пятницу, 31/VII у Кибрика в лаборатории. Туда были принесены все продукты – кто что купил – и там же в какой-то кладовке хранилось все их старое снаряжение и два больших деревянных ящика – основные емкости. Упаковка заняла целый день. А в субботу грузились. Один из мальчиков – Плунгян – ездил с Сашей заправлять газовые баллоны, а мы с Сандро и другим мальчиком – Мишей Селезевым – спустили все вещи вниз. Когда пришла машина, разместили все в кузове. Командовал Сандро – он уже много лет грузится, это его традиционная обязанность во всех экспедициях. Примерялись – кто и где будет сидеть, ведь 11 человек должны будут в кузове ехать от Грозного до Анди, часов 8 подряд. А до Грозного мы с Сашей едем вдвоем. Основной состав экспедиции приедет туда на поезде 8 августа утром. А накануне вечером, в субботу 7/VIII, туда же прилетит Тамара, и мы должны ее встретить.

3/VIII, вторая половина дня. Саша вместе со своими родственниками уехал в соседнюю деревню за несколько километров, к другим родственникам. Я несколько волнуясь – сам с ними не поехал, а они явно там клюкнут, обратно будут ехать, не дай Бог что-нибудь. Да и машина полна экспедиционного барахла, как бы Саша не оставил ее там открытой. А вставать в начальственную позу – «не пей», «закрой машину» или, тем более, «не езд» – не умею. Надежда (не очень сильная) на жену, что будет его сдерживать – все-таки им обратно ехать с годовалым ребенком...

***

3/VIII – вечер. Страхи мои были преувеличены. Я ушел гулять, вернулся в восемь – они уже были на месте. Сильно под мухой был только дед. Саша вроде бы в порядке. Завтра утром едем – надеюсь, теперь уже без незапланированных отклонений.

5/VIII. Краснодарский край, 112 км после Ростова. Стоим на заправке.

Но прежде всего вчерашний день. Спать я лег опять под яблоней – к вечеру небо было чистым. Ночью проснулся – моросил дождь. Я бросился стучать, втащил свою раскладушку на веранду и досыпал уже там. Мы встали часов в шесть, позавтракали, набрали флягу воды на дорогу, простились со стариками и выехали – в половине восьмого. Вначале 50 км до дороги на Ростов и потом – по ней. Саша останавливался почти у каждой заправки, заливая в бак максимум возможного, но т.к. делал он это часто, то брал по 20–40 литров. У него еще талоны были «крупные» – по 20 литров – и поэтому

брать приходилось по этому модулю. Каждая заправка отнимала минут по 20–30. Ехал он быстро, километров 70–80 в час, обгонял почти все грузовики, часто – «Запорожцы» и «Москвичи», иногда даже «Жигули».

Едем, едем, едем.

Часа в два обедаем – я извлекаю газовую плиту, собираю. Варим картошку (бабка накопила нам таки ведро, да у меня из Москвы несколько килограммов было). Саше варю три яйца всмятку – у него что-то с пузом, но голодать он не привык. Сам ем крутые яйца. Пьем чай. Едем снова.

Пейзаж меняется постепенно. Вначале воронежские поля, мало отличающиеся от подмосковных, только черные – чернозем. Дальше встречаются плантации подсолнуха. Это здорово – сочный желто-зеленый ковер. Но так – только с правой стороны дороги, где они повернуты головами к дороге, к нам. А слева, естественно, от нас – и красота исчезает. Странно, что солнце тоже справа. Правда, оно уже на исходе и они от него отвернулись.

Потом шахты, я никогда не видел их так много. Но этот пейзаж хотя и не раздражал, но и глаза не радовал. Какой-то очень тревожный.

После Ростова плавни долго тянутся. Потом – Краснодарский край, уже совсем южный пейзаж. Квадраты полей, разделенные полосами акаций. Поля выглядят ухоженными.

Солнце село где-то под Ростовом, мы миновали Ростов и уже потемну выезжали из Ростовской области, надеясь где-нибудь заправиться. Нам это не удалось. В одиннадцатом часу, уже в Краснодарском крае, мы свернули с дороги, заехали вдоль лесозащитной полосы в поле и там, между недоделанными скирдами соломы остановились на ночь. Поужинали, я устроился на раскладушке около машины, а Саша – в машине. Я его уговаривал тоже лечь на улице, но его запах газа не смущает. Он даже бензиновые канистры не вынул из кузова, а они и на ходу, когда проветривается, порядочно воняют.

Спать легли в половине двенадцатого. Небо звездное, луна зашла, но дорога рядом, в полукилometре, светится, шумит. Лежишь на спине и не узнаешь неба, оно как-то вверх ногами. Нужно перевернуться, задрать голову – и сразу видишь и Кассиопею, и Полярную звезду, и даже Большая Медведица проглянет ближе к горизонту, над шоссе, где плохо видно.

Проснулся я сегодня около семи, солнце встало недавно – юг. К счастью, оно сразу же «зашло» за машину и я еще подремал минут сорок. Встал, Саша еще спал. Сделал зарядку, собрал раскладушку и барахло – мешок, одеяло. Саша стал просыпаться (видимо от моей возни). Он, оказывается, не укрылся с вечера (тепло было) и ночью подмерз, пока не догадался натянуть на себя одеяло.

В девять он встал, мы позавтракали.

6/VIII. Опять прервался на полуслове и так и не успел описать день вчерашний. Пишу только на заправках, а это не слишком много времени дает. Все остальное время или едем, или едим, или спим.

Вчера проехали километров 500. Уже в темноте заехали за Нальчик и не без труда нашли место для ночлега. А до этого – Краснодарский край, Ставрополье, Кабардино-Балкария. Пейзаж менялся – от степного до предгорий. Мы ехали с опережением графика. И по совету Кибрика – в Грозном делать нечего, лучше что-нибудь по дороге посмотреть – решили «погулять». Первый вариант гуляния был – Баксанское ущелье, Эльбрус. Мы проехали Пятигорск и свернули по указателю «Эльбрус». Но вдруг увидели щит: «В Приэльбрусье въезд автотранспорта запрещен – селевая опасность». А над долиной, куда уходила дорога, висела мощная туча. И мы решили туда не соваться – или не пустят, или, действительно, не дай Бог, в сель попадешь. И поехали дальше, к Нальчику... Перед Нальчиком мест для ночлега не обнаружилось, уже в темноте проехали Нальчик – по

указателям «На Баку», которые, как нам показалось, указывали на странные, довольно глухие улицы, но таки точно вывели нас из города. Где-то за Нальчиком мы нашли боковую дорогу, отъехали по ней с полкилометра и встали на жнивье, рядом с ней.

Я опять вытащил раскладушку «на улицу», а Саша устроился в гамаке в кабине, оставив вакантным место в машине на случай дождя – туча нас все время догоняла. И догнала, ночью Саша меня разбудил – он раньше меня услышал дождь, ему по крыше забарабанило, а меня еще не промочило, я спал. Я перебрался в кузов и тут уже заснул не сразу. Дорога, на которую мы свернули, оказалась оживленной. То и дело или ехали грузовики, или ишаки шли. И только позже либо движение заглохло, либо я сквозь сон ничего уже не слышал. Утром тоже движение было активным – я делал зарядку (утром, конечно, солнце), а мимо шли ишаки, ехали грузовики с людьми, видимо, на работу.

Мы довольно быстро доехали до Орджоникидзе и решили «погулять» по Военно-Грузинской дороге – от Орджоникидзе до Крестового перевала всего 67 км.

Поехали. Терек, Дарьяльское ущелье, дорога по краю, туннели. Впечатление все это производит, хотя, наверное, не по максимуму, т.к. облачно, вершин гор не видно и из окна машины смотреть хуже, чем если бы идти пешком.

Оказывается, что тут почти сразу начинается Грузия – Казбеги, Коби, все это уже Грузия. А я почему-то думал, что грузины живут только по ту сторону хребта.

Крестовый перевал – никакого впечатления, сплошной туман. На обратном пути пообедали в шашлычной. Впечатление, что частная. Мгновенно дали нам салат, потом харчо, шашлык. Все вкусно, но и взяли 9 рублей, не слабо.

7/VIII

Продолжаю про вчерашний день. Выехали из Дарьяльского ущелья в Орджоникидзе и дальше на шоссе. По дороге к Грозному нашли место для ночлега – арык в километре от шоссе. Помылись, постирались, спать легли пораньше. Я, конечно, снова на улице, Саша – в кузове. Ночью – масса комаров. Пришлось засунуть голову в нижнюю рубашку. Рано утром проснулся – надо мною комариная туча. Схватил раскладушку в охапку и на жнивье, подальше от арыка. И там уже досыпал.

Оставался последний перегон до Грозного. Там вечером встречать в аэропорту Тамару, а на следующий день утром на вокзале – всех остальных. Поэтому пока –

Персоналия

(или что я знаю перед экспедицией о ее участниках)

Я – не лингвист, а, наоборот, инженер по образованию. Занимаюсь прикладной математикой. Но так получилось, что вот уже больше 20 лет работаю рядом с лингвистами и интересуюсь формальными методами описания языка. Об этих экспедициях давно слышал, Кибрик и Сандро – мои старые друзья. В этом году попросил их взять меня с собой, и они согласились.

Кибрик Александр Евгеньевич, доктор филологических наук, преподает на кафедре структурной и прикладной лингвистики и заведует лабораторией под тем же названием. Я знаю Сашу лет восемнадцать. Он окончил классическое отделение филфака, остался там работать – преподавал латинский язык. Увлёкся прикладной лингвистикой, структурными методами и довольно быстро защитил кандидатскую диссертацию в этой области. Потом – новая область деятельности, полевая лингвистика. Именно он – организатор и вдохновитель этих экспедиций. Это не случайно – он обладает качеством, редким для научных сотрудников вообще и для лингвистов (чаще всего «индивидуалистов» по роду занятий) особенно – организаторскими способностями. Если он что-нибудь хочет сделать,

он идет к цели, как танк, и только железобетонная стена большой толщины может его остановить.

Обычно к прикладной лингвистике относят такие вещи, как машинный перевод, проблемы диалога с вычислительной машиной на естественном языке и т.п., т.е. методы автоматической обработки текстов естественного языка. Кибрик справедливо утверждает, что полевая лингвистика (так же, как и преподавание иностранных языков, да и родного тоже) – это также прикладная лингвистика. Причем очень часто в этих, на первый взгляд, разных областях используются одни и те же понятия, методы и т.д.

Кибрик, может быть, не самый яркий из известных мне лингвистов – такие люди, как Зализняк, Мельчук больше выделяются. Но все, что он делает, он делает основательно и глубоко. Работоспособность его и напор – удивительны. За 14 лет работы Кибрик собрал (не один, конечно) громадный материал по сравнительной грамматике дагестанских языков. Лет пять назад он защитил докторскую диссертацию на эту тему и является одним из лучших специалистов в этой области.

Сандро – Кодзасов Сандро Васильевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник упомянутой уже лаборатории прикладной лингвистики. Если Кибрика за глаза все зовут по фамилии – коротко и однозначно, то Сандро – и за глаза, и в глаза все знакомые называют по имени. С Сандро я тоже познакомился очень давно – мы вместе ехали на день рождения Теньки (Ади Кибрика), когда ему исполнился год. Я плохо знаю область, в которой работает Сандро – фонологию, но все эксперты говорят, что в этой области он – один из лучших советских специалистов. Он тоже кончал филфак МГУ, давно там работает, почти с самого начала ездит в экспедиции вместе с Кибриком и никто не может представить экспедиции без него. На нем и на Ире Муравьевой в этом году, как обычно, основной груз технической подготовки – сбор вещей, упаковка и т.д.

Научная работа Сандро также в значительной степени опирается на результаты экспедиций. Его кандидатская диссертация посвящена фонетике арчинского языка. На ее защите кто-то вполне серьезно сказал, что благодаря Сандро фонетика арчинского языка описана лучше, чем фонетика многих европейских языков.

Мне всегда очень интересно трепаться с Сандро на лингвистические темы. Он знает весь «фронт» лингвистических исследований и как-то очень глубоко чувствует суть дела.

Ира Муравьева – кандидат филологических наук, сотрудник той же лаборатории. Я практически ее не знал до этой поездки, основные мои впечатления – за период наших сборов. Ира спокойная и хозяйственная женщина, очень симпатичная. Я понимаю, почему Кибрик всегда хочет брать ее в экспедицию – на нее во всем можно положиться, и не только в научной части – масса хозяйственных дел на ней (распределить дела – кто и что покупает, достает и т.д., организовать упаковку вещей, проследить, чтобы все взяли и т.п.).

Мира Бергельсон кончила отделение два года назад, но на научных семинарах по структурной лингвистике я встречаю ее уже много лет. Она работает во Всесоюзном центре переводов в группе Нины Леонтьевой, где занимаются франко-русским машинным переводом. В экспедиции она уже четвертый раз.

Катя Рахилина кончила отделение в прошлом году. Мы работаем с Катей в одном отделе, занимается Катя синтаксисом под руководством Е.В.Падучевой. Только за тот год, пока я ее знаю, она сделала несколько интересных работ. На Катю тоже все сразу обратили внимание – высокая, красивая, какая-то очень мягкая и доброжелательная. Глаза ее всегда лучатся неподдельной детской радостью. Стоило ей к нам в отдел поступить, как все наши мальчики вьются вокруг нее роem. В экспедиции Катя в третий раз.

Анюту Зализняк я до экспедиции знал в основном как дочь знаменитых родителей. Ее отец, Андрей Анатольевич Зализняк, один из крупнейших советских лингвистов, мать – Елена Викторовна Падучева – тоже очень глубокий лингвист, специалист в области синтаксиса. Анюта в этом году окончила отделение, поступает в аспирантуру, в экспедиции – второй раз. Черная, красивая, несколько скованная и какая-то слегка

загадочная. И удивительно похожа на своих родителей, сразу на обоих.

Кибрик Андрей Александрович, сын главного Кибрика, Адя, как все его зовут. Но я больше привык к его детскому имени – Тенька. Как я уже писал, я познакомился с ним, когда ему исполнился год, но, боюсь, что знакомство это было несимметричным.

Я очень люблю его, но далеко не оригинален в этом – его все любят. Он перешел на третий курс отделения, но – один из корифеев экспедиций. Первый раз он «участвовал» в экспедиции, когда ему было шесть лет. А в прошлом году он уже работал, был наравне с другими.

Остальных мальчиков – *Мишу Селезнева*, *Володю Плунгяна* и *Володю Туровского* я увидел впервые на собрании экспедиции и мало что могу о них сказать. Симпатичные мальчики.

Саша Гуляев, наш шофер. Саше года 24. Он окончил школу в Москве, был в армии, уже 4-й год работает на автобазе, которая обслуживает экспедиции МГУ. В дагестанской экспедиции Саша в первый раз, да и в горах еще не был. Спокойный, покладистый. И шофер вроде бы хороший.

Тамара Казавчинская, жена Сандро. Тамара тоже лингвист по образованию. Мы с ней старые друзья – она несколько лет проработала в нашем отделе. Она давно уже хотела побывать в экспедиции, и наконец уговорила Сандро взять ее на неделю.

8/VIII

Вчерашний день. Утром едем в Грозный. В половине одиннадцатого уже там. Уложились в график. Теперь – прежде всего в общежитие Грозненского университета, в котором нас обещали поселить. Поплутав по городу, подъезжаем. Коменданта нет – в отпуске. Никто ничего не знает. Общежитие на ремонте, воды нет – так нам говорят, потом оказалось, что есть, хотя ремонт и в самом деле идет. Едем в университет – отмечать командировки и к проректору по АХЧ, про общежитие... Канцелярия – с 2-х часов. Проректора застаю... Протягиваю свой мандат, он пишет записку в другое общежитие, коменданту. Дает провожатого – весь город почему-то перекопан, не объяснишь, как доехать.

Приезжаем в это общежитие. И тут коменданта нет. Вахтерша говорит – я сама ничего не могу, ищите коменданта, может быть, она в соседнем учебном корпусе. Едем туда, конечно, ее и там нет. Отпускаем нашего провожатого, возвращаемся в общежитие. Нет коменданта. Замечаем, что в общежитии дикая вонь. Спрашиваем – в чем дело. Оказывается – тараканов морили. Спрашиваю – во всем здании? Говорит – во всем. Это нам как-то не очень нравится. Решаем, что лучше где-нибудь под Грозным переночуем, сколько ночей уже прекрасно провели в поле.

Едем снова в университет, отмечаю командировки всем участникам экспедиции. Потом – на рынок, овощи покупать. Это – долгая затея. Вначале – ящик помидор. Тащим его на себе к машине (она – на специальной стоянке у рынка и тащить довольно далеко, метров триста). Потом в магазине покупаем паприку, патиссоны, свеклу, на рынке – лук и морковь. Занимаем очередь за капустой (государственной), а купленный товар опять тащим в машину. Очередь большая – капуста хорошая и дешевая. Обалдев от жары, я кладу бумажник в задний открытый карман штанов. Когда очередь, наконец, подходит и мы покупаем свои 20 кг капусты, я лезу в карман за деньгами. Бумажника нет. Я громко причитаю: «Бумажник, бумажник, бумажник». В бумажнике деньги – 50 руб., паспорт, обратный билет. Очередь вздыхает. И вдруг – кто-то показывает на кучу капустных листьев, лежит, голубчик, как ни в чем не бывало. О, счастье! А я так ругал себя! Расплачиваюсь, тащим мешок с капустой и ведро с другими овощами в машину. Уже около шести. И хотя мы не обедали, решаем ехать в аэропорт, чтобы быть на месте – скоро самолет. Там, мол, и поедим. И когда Саша заруливал на стоянку, в руле что-то хрустнуло и стало ясно, что мы не скоро уедем. Саша стал копаться и выяснил, что два

подшипника полетели.

Пока мы ехали, я часто думал про себя, насколько машина надежнее, чем моторная лодка, точнее, чем лодочный мотор. На лодке каждая поездка на 30–40 км – большое и ненадежное мероприятие. Всегда с собой куча запасных частей и нередко ремонт в пути. А тут мы проехали приблизительно 1800 км и все шло, как по маслу. Но вот – «запсуло», как говорят поляки.

С помощью сразу же появившихся болельщиков (от меня мало толку, я в моторах ничего не смыслю; увы, и Саша, как я понял, не очень большой специалист) Саша снял эту штуковину, соединяющую руль с колесами. Решили, что с этой штукой нужно ехать в какой-нибудь гараж. Нам сказали, что сравнительно недалеко работает какой-то «гараж связи», т.е. относящийся к ведомству связи, как я понял. Там, вроде бы, есть такие машины.

До приезда Тamarочки – полчаса. Пока Саша копался, я сварил картошку и заварил чай (в машине, как обычно) – мы ведь с утра ничего не ели, только чаю утром выпили. Надо сказать, что воду я нашел с большим трудом. Это «новый» аэропорт. Для пассажиров он представляет из себя небольшой барак с кассами, стойками для регистрации и т.д. Воду удалось обнаружить только на стройплощадке будущего здания аэропорта, там торчала какая-то труба.

Поели, я пошел встречать Тamarочку, она прилетела, как часы, и Саша уехал в этот гараж. Ну что ж. Let's hope. Каких чудес не бывает в нашей стране. Не исключено, что починят ночью и мы еще утром встретим нашу «команду» и уедем в Анди, как и намечено, «по графику». Вообще, готовность помочь – вещь удивительная. Тут на месте какой-то дядька минут сорок Саше помогал. Шофер военной машины, прапорщик, оказавшийся здесь по каким-то своим делам, вызвался отвезти его в этот гараж. Так что и дальнейшие чудеса возможны. Ну, а не будет чуда – будем торчать здесь. Особенно неудачно, что сегодня – пятница, впереди – суббота и воскресенье, мало что нормально работает. И где всем размещаться? В университетском общежитии, от которого мы отказались? А нам сегодня придется ночевать здесь. Мы-то надеялись сделать нормальную полевую ночевку, отъехав куда-нибудь за город. Но сейчас – не уедешь. Стоим в ряду машин, в пятидесяти метрах от барака аэропорта и в двадцати метрах от уборной. Самолеты гудят, громкоговоритель объявляет взлеты – посадки. Воняет бензином, керосином и т.д. И вдобавок ко всему, дождь идет (но он бы шел и в поле; здесь странная погода – ночью все время пасмурно и часто идет дождь, а днем – солнце; в средней полосе чаще наоборот, конечно, ночью не солнце, а чистое небо, звезды).

Возвратилась Тamarочка – она уходила регистрировать билет (она транзитная пассажирка, в следующее воскресенье, через неделю, летит в Москву). Мы выпили чаю, в это время вернулся Саша. Сделать ему ничего не сделали, только разобрали эту бандуру. Сказали, что лучше завтра обращаться в гараж геофизиков, где есть такие же машины, как и наша.

Стали устраиваться на ночь, взгромодили для Тamarочки раскладушку на ящики – образовалась узкая щель между раскладушкой и тентом. Тamarочка с трудом туда втиснулась. Саша лег в кабине, а я на передней лавке. Трепались с Тamarочкой часов до трех, спать не хотелось. Вначале шел дождь, потом чистое небо, звезды. Самолеты гудят.

Заснул я в четвертом часу. Через час проснулся – показалось, что часы мои встали, завел их. Утром не был уже уверен, что они правильно идут. Тamarочка проснулась – сверили часы, около шести. Встали, умылись, упаковал я слегка барахло. Поехали на вокзал – поезд в 7.25. Автобуса не было, взяли какую-то машину. Приехали на полчаса раньше и просидели два часа на вокзале – поезд опоздал. Поболтали, выпили кофе, съели по початку кукурузы – торгуют на вокзале.

Встретили поезд, обрадовали Кибрика и всех остальных нашей вестью. Стащили весь багаж в одну кучу. Решаем – Сандро едет в университет договариваться про общежитие, пока не уедем, надо где-то спать, мы с Кибриком и Мишей Селезневым едем в аэропорт, а

остальные ждут на вокзале. Приехали в аэропорт, оставили там Мишу, а сами вместе с Сашей и сломанной деталью отправились по гаражам. Приехали в один – никакого толку, нет таких машин и, соответственно, нужных деталей. В другом – больше надежды. Сказали, что рядом живет механик, Николай Захарович Юдин, нужно его позвать и он что-нибудь сделает – «Он один может вам помочь...» Саша несколько раз бегал к Юдину, но того не было дома, не знал он, что мы к нему на голову свалимся.

Мы оставили Сашу дожидаться Юдина и поехали в обком – Кибрик решил идти по верхам. Приехали. Входим. Дежурный милиционер. Кибрик объясняет, в чем дело, показывает свой «мандат» и просит пустить нас к дежурному (суббота и обком пустой). Милиционер звонит. Переговоры, пускают. Поднимаемся. Дежурный сидит в приемной первого секретаря. Знакомимся. Даниев. Среднего роста, лицо собранное, умное, усики. Лет сорок – сорок пять. Кибрик опять предъявляет мандат, объясняет ситуацию и наши просьбы: 1) отремонтировать машину и 2) если это не удастся сделать быстро, забросить экспедицию в Анди. Даниев звонит второму секретарю, толково и кратко объясняет ситуацию, получает «резолюцию» – «Помочь». Начинает действовать. Прежде всего звонит в гараж, где мы оставили Сашу. Кибрик говорит с Сашей – там без сдвигов. Тогда Даниев звонит какому-то автомобильному начальнику, главному по республике. Того мгновенно извлекают с какого-то совещания и дают указания – пункты 1) и 2) выше. Говорит – будет сделано, сейчас приеду. Мы благодарим, прощаемся. Спускаемся вниз, посещаем обкомовский туалет и там умываемся.

Когда выходим – начальник уже у подъезда стоит с каким-то зав. отделом обкома. Опять описываем ситуацию и просьбы. Небольшая светская беседа, зав. отделом говорит, что хорошо бы пообедать, поговорить... Мы отвечаем – люди брошены, машина... Уезжаем с автомобильным начальником на его «Волге» (все милиционеры-гаишники по дороге вытягиваются во фронт и козыряют). Начальник сразу же склеивает два наших пункта в один – у него таких машин нет, а на других отправлять экспедицию в горы нельзя. Надо ремонтировать нашу. И вообще он бросил начальника главка (московского), которого нужно кормить обедом и везти в аэропорт. «Что же делать с вами?» И нам становится ясно, что сказав обкомовскому начальству «Будет сделано», он понятия не имеет, что можно сделать и, естественно, хочет как можно скорее от нас избавиться.

Начинаем метаться по городским гаражам. Едем вначале в тот гараж, где Саша. Там ничего нового, Юдин не появился. Забираем Сашу и едем по другим гаражам. Чувствуется, что блуждания эти столь же целенаправленны, что и наши утром. Ясно, что начальнику хочется только одного – сбегать нас кому-нибудь и уехать обедать с начальником главка. Наконец, он привозит нас в какой-то автокомбинат и перепоручает местному боссу. Тот клянется: «Все сделаю, не беспокойтесь». И только когда большой начальник уезжает, этот начинает думать, что он может сделать. Мысль его прыгает туда и сюда, а главное, он думает, как бы уехать домой – суббота. Куда-то звонит, чешет в голове и говорит, что вряд ли до понедельника что-нибудь можно сделать. С тем гаражом, где мы ждали Юдина, он не хочет связываться – «я там никого не знаю». Говорит: «Есть у меня знакомый, он работает там, где много таких машин, но его нет дома». Сидим у него минут 40, потом он говорит, что уезжает. И единственное, что удастся из него выбить, это автобус, чтобы пока ездить по городу. И автобус этот приходится ждать еще минут 40.

Сашу мы еще раньше отправили в гараж Юдина. Когда приходит автобус, мы тоже едем к Юдину. И – чудо, Юдин действительно пришел. И на него действительно можно положиться. Настоящий мастеровой, человек лет 60, спокойный, неторопливый и явно все умеющий делать. Части у него есть, и он принимается за дело, а Саша ему помогает. Все вернулось на круги своя, Юдин – он к обкому никакого отношения не имеет. От обкома один шерсти клочок – автобус. Но и это благо. Едем на вокзал, где все остались. Выясняется, что Сандро за это время был у ректора университета и договорился об общежитии, даже о двух – на выбор: либо тараканье, но с бельем, душем, горячей водой, либо старое, в котором нет белья и матрацев, только койки с голыми сетками и вода холодная, но зато не

воняет.

Грузимся в автобус и едем к Юдину. Встречаем его уже уходящего, заезжаем за Сашей, который сидит со своей штукой, готовой к употреблению. Едем в аэропорт. Саша начинает монтировать эту штуку, а мы перепаковываемся. И чай пьем – благо, в машине все налажено. Вдруг – проливной дождь, с полчаса – как из ведра. Но Саша уже кончил. Но, когда дождь перестал, он решил еще «перекачать сцепление» – у него капала тормозная жидкость в кабину.

Решаем, что все поедут в общежитие на автобусе (выбираем – без тараканов и белья), а мы с Сашей подьем позже. Но зря Саша взялся за это дело, лучше пусть уж капало бы. Он собрал все, а сцепление не работает. С час он возился, я ему помогал, но ничего не вышло. Решаем ехать к Юдину (осторожно ехать можно), узнать, в чем дело. Едем. Но у Юдина гости, договариваемся на завтра. Едем «домой».

Подъезжаем – встречаем нашу «молодежь», идущую в кино на «Экипаж». Идем в душ – холодный, но есть. С наслаждением моемся и садимся ужинать. Настроение уже лучше, есть надежда завтра уехать – руль и тормоза работают, сцепление завтра Юдин исправит.

9/VIII

Продолжаю. Ложимся спать около 11, «молодежь» как раз возвращается из кино. Сплю мертвым сном часов до пяти. В пять начинают летать мухи и слышно, как Кибрик храпит. Но сплю еще до семи. В семь окончательно просыпаюсь. И Санька встает. Сандро тоже уже проснулся. Они с Кибриком и Сашей завтракают и едут к Юдину.

А у меня – роскошное утро, после вчерашнего сумасшедшего дня. Зарядку делаю, зубы чищу, бреюсь (вчера не было ни времени – для зарядки, ни чистой воды – для зубов, ни электричества – для бритвы). Бужу мальчиков, объявляю готовность – к 10 часам. С девочками идем в магазин, покупаем масло, кефир, хлеб. Завтракаем. 10 часов. Звоню в гараж – они выехали уже, значит, все в порядке. И действительно – скоро подруливают. Окончательная тщательная перепакровка вещей – на час. Наконец, садимся и выезжаем. В 11.40 уже покидаем Грозный.

Едем. Вначале – по плоскому месту, потом – крутой подъем в гору. Встаем, чтобы лучше видеть все вокруг. Дорога серпантинит по склону. Становится свежо, капает чуть-чуть. Одеваемся потеплее. Натягиваем одеяла. Вдруг машина чихает, останавливается. Саша начинает ковырять свечи. Прочищает их, пробует – машина заводится. Едем дальше. Дорога хорошая, широкая, две машины легко разъезжаются. И вот – перевал. Видно плохо – низко висит туча. Вбок отходит дорога на знаменитые Голубые озера. Были планы заехать на них, искупаться. Но решаем не ехать – холодно, не до купания. Едем вниз. Еще километров 15 – это с час езды. Дождь, грязь. И вот – Анди.

Въезжаем. Находим школу. Экспедиции как правило останавливаются в школе. И в этот раз Кибрик зимой еще писал официальное письмо директору школы и получил ответ с согласием. Но школа закрыта. Говорят, директора нет, но есть «организатор» (должность такая, даже вывеска на двери есть), это, как мы после выяснили, что-то вроде зам. директора по административным делам либо завхоза. Находим его. Начинается поиск ключей. А мы осматриваемся. Село большое. Вокруг – горы. Красиво. А село (или аул) очень своеобразное (это мне так кажется, а Сандро говорит – типично дагестанское). Нам постепенно – проходит часа два – открывают несколько комнат. А еще две обещают открыть после. Отводятся комнаты для мальчиков, для девочек. Еще будет столовая-кухня, рабочая комната и «начальственная» – для Кибрика, Сандро и меня. Вернее, пока Сандро с Тамарой будут жить в одной из рабочих комнат, а когда Тамара уедет, Сандро переселится к нам.

Разгружаем машину, устраиваемся. Сандро ремонтирует туалет – говорят, что во всех экспедициях это первое, что он делает. Девочки готовят ужин. Ключи от запертых комнат всё не несут. Видимо, сегодня окончательного устройства не будет. А я, когда дела

заходят в тупик, удаляюсь писать дневник. И вот – ура, догоняю время. Сейчас будет ужин – праздничный – с выпивкой в честь приезда.

10/VIII. Утро.

Проснулся я еще до семи – небо безоблачное, солнце только показалось из-за гор. Пошел на ближайшую горку. Роса, мокро. Поднялся. Видно почти всю деревню. Горы, солнце. Описывать это трудно. Это южный склон. Всюду клочки земли плоскими террасами. Иногда клочок – метров 30–40 квадратных. С землей здесь туго. А чуть склон – трава, которую кое-где женщины косят серпами местного типа, что-то вроде маленькой косы с короткой ручкой. Я нашел площадку, сделал зарядку, спустился. Скоро завтрак, девочки хлопочут.

А вчера отмечался приезд. Дамы были в туалетах. Ужин с небольшой выпивкой (впрочем, не такой уж небольшой – две бутылки водки и несколько бутылок вина выдули). Потом танцы, девочки – Катя, Мира, Ира и Анюта – и два мальчика – Миша и Володя Плунгян. Подпрыгались они немного, но как-то ясно было, что девочкам хотелось большего веселья. А потом – песни пели. Тут уже с большим числом участников. Тенька на гитаре играл. Сандро и Кибрик включились. Компания у них спетая, все они эти песни по сто раз пели. Потом Сандро прочел сочиненную им балладу, а Катя прочитала два отрывка из еще не завершенной Андийской поэмы, которую они с Плунгяном сочиняют. Потом снова пели. Разошлись во втором часу.

12/VIII. Утро после завтрака. Сейчас поедem на Голубые озера. А пока – вдогонку за временем.

В понедельник, 11/VIII, после завтрака было первое общее занятие. Присутствуют все и два главных информанта. Сандро перечислил все фонемы андийского языка – по существующим описаниям. И разные вопросы в этой табличке расставил, исходя из опыта, собранного на предыдущих языках. Потом на все фонемы в разных позициях он просил информантов привести примеры. Тут же выяснилось, что есть фонемы, которых нет в списке (так называемые сильные согласные – некоторые уже были в списке, других не было, а в языке вроде бы есть). Так как первая задача – составить словарь, то потом (во второй части занятия) обсуждали словарную статью глагола и имени (парадигму – сколько падежей, родов и т.д.).

После обеда началась индивидуальная работа с информантами. Словарная – кто-то собирает имена, кто-то – глаголы. По всем обследуемым дагестанским языкам собирается словарь на 1000 слов. Здесь, естественно – для андийского языка.

Но на этих занятиях я уже не был – Сандро попросил «погулять» Тамару, а потом, может быть, в другое село за хлебом съездить. Пошли вдвоем – Сашу взяли. Вначале по Анди – с тем, чтобы потом на речку спуститься. Но дошли только до магазина, зашли – и я углядел вельвет зеленый по 4 р. 50 коп. И мы вдвоем весь имеющийся кусок купили. А Тамарочка еще себе углядела халат. Пришлось возвращаться за деньгами. Снова вернулись в магазин. На этот раз и хлеб углядели. Уложили все наши покупки во взятый предварительно рюкзак и пошли на речку. Прошли по ней немного, она не слишком уютная – и грязная, и посреди деревни. А дальше – выше по речке – идти нелегко (с Тамарочкой, и так ей пришлось прыгать через речку по камням, а она ногу бережет). Вернулись. Все еще работали с информантами. Вечером, когда уже стемнело, большой компанией погуляли – до соседнего села и обратно.

Анди

Описать село невозможно. Поэтому только несколько штрихов. В основном оно – вдоль речки, довольно грязной и не очень широкой – по камням можно перепрыгнуть. Иногда «берега» долины довольно крутые, и дома лепятся по крутому склону. Но большая часть села на плоскогорье, на левом берегу. Впрочем, плоскогорье – не очень плоское, оно спускается вместе с речкой. Всего больше тысячи домов (хозяйств, как здесь говорят). Примерно половина домов – старые, половина новые, много домов строится, но много и разрушенных и полуразрушенных. Новые дома резко отличаются от старых. Самое заметное изменение – крыши. Старые – плоские, земляные, их нужно то ли перед дождем, то ли после укатывать. Для этого на каждой крыше всегда лежит каменный каток. А новые крыши – железные или шиферные. Как новые, так и старые дома из камней, скрепленных земляным раствором, держатся стены, видимо, в основном благодаря тщательной кладке. Новые дома, как правило, больше старых, архитектура совсем другая, почти во всех – веранды, столбики и перила которых выкрашены яркой краской, а старые – серо-черные. Наверное, новые удобнее для жилья, но старые гораздо экзотичнее.

Все эти изменения вызваны, видимо, тем, что появились дороги – лет тридцать назад их почти не было (и сейчас есть села, куда можно попасть только пешком или верхом – там все дома старые). А теперь можно привезти материалы – лес, железо, шифер. Горы-то вокруг безлесные, и на себе издалека бревно не принесешь.

Улицы и сейчас узенькие, по «главной» улице машина наша проезжает с большим трудом.

Центральное место – источник. Труба (водопровод – с какого-то склона, то ли из ключа, то ли из ручья), несколько больших корыт каскадом. Из корыт пьет скот, а воду женщины набирают прямо из трубы. Набирают в громадные медные кувшины, высотой, наверное, около метра и емкостью литров в 20. Кувшины, говорят, стоят дорого, под сотню. Но уже в ходу канистры, как металлические, так и пластиковые. Как кувшины, так и канистры носят за спиной, на платочках. Женщины одеты так же, наверное, как и сотни лет назад. Шаровары, платок на голове; весь силуэт очень своеобразный.

Школа одноэтажная. В классах портреты Ломоносова, Эвклида, Гаусса, Эйлера. В учительской – Ленина и молодого Брежнева. Кроме школы и машин, от цивилизации – электричество, телефон и магазин. Кино возят.

Жизнь, по-видимому, начала здесь сильно меняться, когда появились дороги, т.е. за последние лет тридцать. А до этого весь уклад был таким же, как и сотни лет назад. Во всяком случае, так кажется на первый взгляд.

Жертвенный баран

На следующий день, 11/VIII, мы поехали в Ботлих – районный центр. Мы – это, конечно, Саша, без него далеко не уедешь, Тамарочка, Хаджи-Магомед и я. Хаджи-Магомед – завхоз здешней школы, наш опекун и благодетель. Цель поездки – достать мяса и фруктов. Накануне Хаджи-Магомед звонил третьему секретарю райкома про мясо. Дело в том, что Андийский совхоз может продать нам мясо (баранов), если только ему разрешат сделать это в счет плановых заготовок. Поэтому нужна санкция райкома. А про фрукты Хаджи-Магомед уже договорился со своим знакомым – председателем фруктового колхоза.

Едем в Ботлих. Это километров 20, из которых существенная часть – серпантинный спуск по горе, 16 поворотов. Ботлих значительно ниже Анди, его высота 500 м. Приезжаем. Очень колоритный поселок. Такие же узкие улочки, как в Анди, но это – не горное село, просто что-то восточное. И – райцентр, учреждения.

Приехав, ищем председателя колхоза. Его нет. Идем в райком, к третьему секретарю. Читает мой мандат, говорит – хорошо. Пытается дозвониться до Анди. Тщетно. Обещает

позвонить позже, записывает у себя в блокноте.

Из райкома опять идем искать председателя колхоза. Нет его нигде. Покупаем хлеб – прямо в пекарне. Обходим магазины. В универмаге видим массу вещей, которые бы в миг расхватили в Москве. Что-то вроде штормовок на меху. Меховые варежки – Тamarочка соблазнилась. Импортная обувь. Ткани – байка есть.

Оставив Тamarочку и Сашу, возобновляем поиски председателя. Бродим в по маршруту – исполком, больница (кто-то сказал – он там), его дом. Нет его нигде. Часа полтора бродим. Хаджи-Магомед здоровается со всеми своими знакомыми. И я с ними – тоже. Наверное, я сотни две рук пожал за это время. «Здравствуй, как дела?» – видимо, и у них есть «How do you do?».

Наконец, снова придя во двор председателя, видим вдруг – идет. Здравуемся. Знакомимся – Али-Магомед, «можно – просто Али». Зовет в дом. Говорим – у нас там машина, люди. Некогда. «У нас так не разговаривают». Заходим в дом. Проводит в парадную комнату (мы разулись при входе). Сидим, а хозяин дает распоряжения жене. Нас, естественно, не ждали и чувствуется – дома ничего нет (он говорит – «ничего, ничего...»). Возвращается и некоторое время идет «светская беседа». Говорит: «У нас гостя три дня не спрашивают, зачем приехал». Я, конечно, говорю – зачем. Зовут к столу – немного плова, помидоры, огурцы, начатая бутылка водки и коньяк. Приходится пить. Водку кончаем, к коньяку не приступаем. Встаем из-за стола. Идем к машине. Тamarочка и Саша уже изнемогли. Тamarочка жует купленный хлеб.

Едем в сад – мы в «Жигулях», которые ведет Али, а Саша – за нами. В саду – сбор фруктов. Али говорит: «Сейчас нам всё подготовят, а мы пока поедем дальше». Привозят нас к старой мельнице. Ясно, что это место, куда возят гостей, начальство, баб... Мельника зовут Алмо – прозвище, имени не усваиваю. У него семь сыновей. Садимся. Хаджи-Магомед успел купить в Ботлихе бутылку водки, мясо («сушеное» – действительно, как будто сильно поджаренное и усохшее). Достают что-то среднее между сыром и творогом. Выпиваем и эту бутылку. Да, всего два стакана, пьем по очереди. А рядом что-то начинают готовить.

Зовут купаться – «пока хинкал готов будет». Идем на речку, впадающую в Койсу (главную реку, протекающую рядом с Ботлихом). Эта речка по колено, но очень быстрая, стоять трудно. Вода чистая. Купаемся – Тamarочка «уходит в кусты», чтобы нам не мешать. Все это довольно долго. Возвращаемся на мельницу. Тут наломали много кукурузы, чистят початки. Ставят их варить, прикрыв сверху кусками тыквы. Другие початки жарят на костре, на шампурах. Ставят стол, на этот раз уже на улице. Подъезжает машина с какими-то друзьями Али, приносят три бутылки водки. Ужас. Живыми не уйти.

На этот раз уже четыре стакана, но чуть больше людей. Подают кукурузу, хинкал. Я думал, что хинкал тут – то же самое, что хинкали в Грузии, большие пельмени. Но это просто кукурузные лепешки, варенные в воде. Съедобно, но не очень вкусно. А вот сыр – великолепен. Свежий, не соленый. Но водка, водка... Все время чувство, что ты – жертвенный баран (жертва – за несчастные фрукты). И с большим сочувствием и пониманием относишься к курице, которую держат мальчишки и которой вот-вот отрубят голову. И отрубают. И скоро уже угощают нас ее печенкой, а после и всю ее приносят – вареную.

Говорю Тamarочке: «Семь часов – dead line, что бы ни было, встанем и уйдем, черт с ними, с фруктами». Но еще раньше чувствую: уже можно встать. Встаю – и видно, что и им уже пора по домам. Долг гостеприимства исполнен, можно и расходиться.

Прощаемся с Алмо и едем в сад. Там уже готовы ящики с фруктами. Пока их грузят, замечаю, что в кармане нет часов (ремешок еще в Грозном порвался). Видимо, выронил – а еще в шесть смотрел на часы. Возвращаемся с Али на мельницу и, конечно, не находим. Мало ли где я их мог уронить. Вот и еще одно наказание (скромное весьма за бесплатные фрукты, водка – тяжелее). Едем в еще один сад – еще пару ящиков ставят.

Прощаемся с Али, благодарим и едем «домой» в Анди. Доехать бы. Темнеет уже. А в

Сашу тоже влили стакана два (его это, правда, не пугает). Доезжаем до Ботлиха, заезжаем на заправку. Саша заправляется. А Хаджи-Магомед пытается дозвониться до Анди – чтобы не волновались, что нас долго нет. Это ему не удается.

Опять «центр» Ботлиха. Хаджи-Магомед еще куда-то уходит. Наконец, едем домой. В кузов набивается человек пять–шесть еще. Темно. Начинаются ботлихские повороты. Поднимаемся. Вдруг крик – оказывается, у ехавшей с нами девушки припадок, наверное, эпилепсия. Кричит, бьется. Ее держат. Машина останавливается – ждем с полчаса, пока она придет в себя. Наконец, едем дальше. И – о счастье, вот уже дома.

Уже подъезжая, вижу вышагивающую фигуру Сандро. Он дико переволновался – куда мы исчезли. Тамарочка недаром была все время как на иголках. Нас кормят, мы рассказываем. Сандро слегка успокаивается, но говорит, что больше Тамару без себя никуда не пустит. Кибрик говорит, что так и думал, скорее всего, мы – жертва гостеприимства. Слава Богу – выжили.

Наша мельничная попойка – в другом ракурсе, как Тамарочка ее увидела.

Али – ему лет 30–35 – мужчина в самом соку, молодое грубое животное, хозяин жизни. Бывший секретарь, парторг колхоза, теперь – председатель. И на карьере впереди рассчитывает. Но и на этом посту получает максимум удовольствия. Мельница с челядью – специально, чтобы гостей и девок водить. В постоянном услужении шофер («замечательный парень Хабиб»).

Не то, чтобы я этого всего не видел, но я предпочитал свой ракурс – гостя и человека, выполняющего «государственное поручение» – фрукты достать. Да и, может быть, не стоит мерить здешнюю, совсем другую жизнь своими мерками. Мы здесь гости.

13/VIII. Голубые озера

Вчера, 12/VIII – день отдыха, поездка на Голубые озера. Погода вроде бы хорошая, можно ехать. Дорога на перевал, через который мы из Грозного ехали, а потом – в сторону, чуть вниз. Приезжаем – чудное озеро. И большое. Ширина, наверное, с полкилометра, длина – километра два (точнее, оно состоит как бы из трех лепестков, один побольше и два – поменьше, и между крайними точками лепестков – километра два). Вода – чистейшая. В большой лепесток впадает речушка, там много водорослей, а между ними – стайки рыб.

Останавливаемся – и в воду. Вода прохладная, но здорово. Моемся, стираемся. Готовится пир. Но пока суть да дело, я успеваю слазить на горку, метров на 300 вверх. Вид – закачаешься. Но другого озера (оно где-то за горой) не видно. Видно только надвигающуюся тучу.

Спускаюсь. Жарят баранину – с нами информанты, во главе с преподавателем-русистом Супьяном. Баранину они с собой привезли. Увы, и водку – тоже. Стакан опять один – наши кружки отвергаются. Тут пьют по очереди. Тосты – по очереди, хозяин – гость – хозяин, etc. И начинают в каждого вливать – в Кибрика, в Сандро, в меня. Тут уже я, ссылаясь на вчерашнее, почти не пью. А в Кибрика влили дозу, ему приходится председательствовать. Пока идет пир, небо затягивает облаками. Все время гремит вокруг, то и дело накрапывает дождь, едим то в кузове, то на воздухе. Чай завариваю в водочной бутылке – банку мою, конечно, не взяли.

После пира довольно быстро сматываемся домой. Пока едем – дождь. Сильный очень, по дорогам – потоки. И в Анди тоже всюду течет. Но несмотря на дождь, поездка удалась.

Дагестанские женщины

Сразу складывается впечатление, что всю работу тут делают только они. Утром

бежишь в горку зарядку делать – они уже косят. Сейчас как раз пора сенокоса – они косят, носят сено. Места, где косят, иногда очень высоко. Карабкаешься, карабкаешься вверх – вдруг женская фигура с серпом. Еще на сто метров поднимешься – другая. Ты лезешь, отдыхаешь каждые 10–20 шагов, для тебя это спортивное развлечение, а они каждый день сюда шастают. А когда сено подсохнет, то вниз с громадной копной сена на спине. Смотришь – копна сена идет, только ноги внизу видны. «Наши женщины очень работающие. Женщина несет килограммов 70, а беременная – 50», – это мужское высказывание. Мы как-то ехали – старушка попросила подвезти (небось несколько лет назад не стала бы и просить). Она несла два мешка картошки. Каждый, кажется, что и сам на спину не поднимешь. За водой тут ходят с громадными кувшинами, в них, наверное, литров по 20. И несут на спине, на платке, продевом через ручку кувшина. У колодца иногда девочки лет пяти с маленькими пластмассовыми канистрами (а взрослые иногда вместе с кувшином тянут и канистру – уже 20-литровую, железную).

Ахвах

Сегодня, 13/VIII, – поездка в Ахвах. Ахвах – это название района. Это за Ботлихом, районный центр – Карата. А деревня, куда мы едем, называется Тадмагитль. Едем мы впятером – Кибрик, Сандро с Тamarочкой, я и, естественно, Саша.

14/VIII. Утро.

Продолжаю про вчерашнее. Итак – ехали, приехали. Деревня на речке, намного ниже, чем Анди. Остановились в колхозном саду, Кибрик с Сандро тут уже останавливались в позапрошлом году, когда сюда приезжали. Поставили палатку. Палатка – одна из главных вещей в хозяйстве. Она каркасная, большая и удобная. В ней две «кабинки», рассчитанные каждая на одного человека (но, конечно, и двое там помещаются вполне) и «холл» – метров 5 квадратных, входит стол со стульями, складной комплект, ларь с продуктами и «кухонный стол», т.е. перевернутый большой ящик, а на нем газовая плита. Палатка старая, ее каждый год ремонтируют, подклеивают. И она исправно служит.

Место красивое. Прямо над садом нависает скалистая вертикальная стена высотой метров в 300–400 (кажется, это называется «камин»). И до стены подъем метров в 300.

Потом я совершил маленькое восхождение до этой стенки. Вид – что тут говорить о видах, все равно ничего не скажешь. Все как на ладони. Одна долина, другая, третья. В каждой – села, и ниже, и выше. Речки, потоки с гор. Тут значительно влажнее, чем в Анди. И трава сочнее, больше похожа на альпийские луга (которых я никогда не видел). Есть и лесистые горы – березки стоят.

Кибрик с Сандро сходили к знакомой учительнице – для работы нужны информанты, попросили ее привлечь других учителей. Тamarочка приготовила обед, пообедали.

После обеда Кибрик с Сандро начали работать, а мы с Тamarочкой немного погуляли по деревне, а потом я свое турне по горам совершил. Вернулся – они еще занимаются. У них в словаре были пропуски, кое-каких форм они не знали и т.д. Кончат будут завтра. Работают они с удивительной настойчивостью и какой-то хорошей целенаправленностью. Аж завидно.

А сегодня я проснулся рано, еще сумерки были. Что-то я здесь вообще стал просыпаться рано. То ли начинаются стариковские привычки, то ли Кибриков храп по утрам мешает спать. Посмотрим.

Сейчас сижу, пишу. Мимо идут мужчины куда-то на работу. Куда – не могу понять, какая тут мужская работа. Птицы поют. Тут как-то все не так сурово, как в Анди. И трава выше. И птиц больше. А вчера, когда я карабкался по травянистым склонам, из-под ног

целые выводки крупных птиц вылетали, видимо, куропатки.

14/VIII. Вечер. Уже в Анди. В Тадмагитле пробыли до часу – Сандро насильовал своего информанта, тонировал то ли часть слова, то ли весь словарь ахвахского языка. Доехали благополучно. Вечером будет мероприятие – проводы Тamarочки. А завтра в 5 утра встаем – и в Грозный.

А здесь без нас кипела работа – все оставшиеся трудились со своими информантами.

16/VIII. Утро.

Итак, позавчера было мероприятие в честь Тamarочки. Не менее удачное, чем первое. Катя и Плунгян приготовили стихи. Кибрик во главе стола – нечто среднее между грузинским тамадой и председателем колхоза – произнес несколько тостов, тоже, конечно, в честь Тamarочки. А она – в ответ. А потом опять песни пели. Я хоть и встал накануне рано, спать пошел в первом часу. А молодежь до половины третьего гуляла.

А на следующий день, 15/VIII, мы встали в начале шестого – Тamarочку в Грозный отвозить, на самолет (мы – Тamarочка, Сандро, Саша и я).

Опять перевал, видны снежники Главного Кавказского хребта. Спуск, потом «плоскость», как тут говорят. В Грозный приехали рано, до десяти. Уже жарко. Идем на рынок и долго занимаемся закупкой овощей для экспедиции (баклажаны, лук, чеснок, перец болгарский, перец острый, перец черный, свекла, капуста; помидоры здесь дорогие – покупаем только в магазине, остальное купим на обратном пути). Сразу как-то устаем – жара, толпа, суэта. По сравнению с этим жарким адом Анди – прохлада, покой, воздух – кажется раем.

В аэропорт приезжаем чуть раньше времени. Кипятим чай – плита у нас с собой. Перекусываем. Я утром вообще ничего не ел, остальные – чуть пожевали. Тamarочка регистрируется и благополучно улетает.

Возвращаемся, по дороге покупаем помидоры. Опять перевал. Быстро привыкаешь к горам – все знакомо, кажется, всю жизнь по этой дороге ездил. В шесть уже дома – в Анди. Разгружаемся. Помидоры потолклись, моя штормовка, сумка Сандро и Сашин мешок покрыты давленными помидорами и пропитаны томатным соком.

А без нас тут шла работа, и вечером проходила «конференция» – каждый докладывал о своих результатах. И после ужина она продолжалась. Я даже посидел чуть-чуть, но спать слишком хотелось, все время засыпал. Поднялся, пошел спать и как провалился. И к утру ощущение, что сплю целую вечность. Но окончательно проснулся только когда Сандро встал, без двадцати семь.

Накануне нам ездить поднадоело, и Сандро решил уговорить Кибрика отложить наш вояж на день. Но тут новое обстоятельство – сегодня, в воскресенье, в селе свадьба – у брата одного из информантов. И вся экспедиция приглашена. А это – мероприятие еще более утомительное, чем дорога. Поэтому принят компромиссный план – едем сегодня после обеда, чтобы избежать (убежать) свадьбы. А молодежь пойдет, и не без удовольствия.

После завтрака все работают с информантами. Я подсел к Мире – она выспрашивает у Лайлы (единственной девушки-информантки) разные конструкции с причастиями, способы сочинения, etc. Часа два это продолжалось. Мира работает цепко и эффективно. А за Лайлой охота настоящая – все хотят с ней заниматься, она девочка сообразительная, хорошо говорит по-русски, быстро понимает, чего от нее хотят, часто объясняет очень толково – почему нельзя так сказать или что не тот смысл получается. Скоро обед – и поедем в наш почти недельный вояж.

17/VIII. Утро, после завтрака.

Так и уехали вчера после роскошного обеда, объевшись баклажанами. Дорога опять через Ботлих, потом другой райцентр – Агвали и потом уже в Гаквари, одна их трех точек этой поездки.

По дороге прошу Сандро объяснить мне фонетическую систему местных языков, что он и делает, предварительно рассказав о фонетике русского языка.

По дороге все время подвозим людей. Какой-то мальчик, забравшись в машину, сразу свернулся калачиком в нашем ящике и спит там. А кто-то облевал нам всю машину, кто – мы не заметили. Вначале думали, что это наши спутники так воняют.

В Гаквари приехали часов в шесть. Дождик моросит. Долго ищем кого-нибудь, кто пустит в школу (палатку тут ставить негде). Толпа мальчишек вокруг машины. Диалог с ними. Где директор? Уехал. Куда? – В Агвали. Воскресенье. Все в отъезде. Наконец, выясняется, что какая-то учительница (из тех, кого Саша и Сандро знают, работали с ней) здесь, не в Агвали. Посылаем за ней девочку. Скоро приходит. Все начинает разворачиваться, хотя и медленно. Находят сторожа. У него есть ключи от школы, но санкции этой учительницы недостаточно. Она вызывает парторга. Через какое-то время он приходит, и не один, а с учителем музыки, сравнительно молодым парнем. Парторга зовут Халид, а музыканта – Гусейн. Гусейн ведет здесь пение и музыку по стандартной школьной программе. Даже пианино купили недавно в школу. Никакого национального музыкального уклона нет.

Достают ключи (тоже долго ищут) и открывают нам какую-то пустую комнату. Все это время идут приглашения – пойдете лучше к нам домой, там будет удобнее. Или хотя бы вначале в гости, а потом устроитесь. Халид уже поддавши (Гусейн, может быть, тоже, но это не так заметно, он помоложе). Но мы пока твердо держимся – вначале нужно устроиться.

Устраиваемся – разгружаем машину, делаем постели. Нам приносят стол, стулья, тумбочки. Даже уборщицу нашли – она подметает. Но после этого приглашения в гости начинаются с новой силой. Нам бы остаться одним, поужинать и спать лечь. У нас полный сундук продуктов и все на мази – плита уже готова к употреблению. Но нас приглашают в какой-то безусловной уверенности, что иначе нельзя, просто немислимо не пойти.

Идем к Халиду (у Гусейна-то и дома нет, он что-то здесь снимает, сам он из соседнего села). Халид нас уверял, приглашая остановиться у него, что он живет один и для нас там будет полно места. Но приходим – дома и жена, конечно, и полно каких-то девушек – родственники из Махачкалы приехали. И на диване какой-то мужик спит.

Садимся в парадной комнате. Старенький диван-кровать. Стол. Три ковра – один на полу, большой, и два поменьше, одинаковые, на противоположных стенах. На сундуке два барабана, новых. Хозяйке громкая команда по-русски, для нас – ужинать. Долго сидим. Вначале приносят миску сотового меда и бутылку водки. Сидим и жуем соты. Мед вкусный, но не ароматный, как потом выясняется – прошлогодний. Потом через какое-то время (и не малое) приносят лепешки – теплые, только что испекли, и сыр. Садимся к столу (женщин, конечно, нет за столом). Стаканов (вернее, на этот раз стопочек) – опять два. И питье по очереди. Вначале Кибрик с кем-то. Потом дают Сандро – он отказывается наотрез. Я бы тоже отказался, но как-то боюсь после Сандро. Что-то бормочу, что не пью, но пью. Но когда идет ко второму кругу, то тоже уже отказываюсь. Благо – чай дают. Кибрик упирается после третьей. Тосты все равно идут. Появляется вторая бутылка водки и две трети ее вливают в Сашу, который не отказывается. Уже одиннадцатый час, благодарим, встаем. Хозяева нас провожают. По дороге Халид кого-то встречает и застревает надолго. Он при этом несет Кибрикову сумку с документами и деньгами. Халид с Гусейном уже хороши. Саша на удивление идет твердо. Дождь моросит. Так и не дождавшись Халида, приходим домой, он подходит минут через пятнадцать. Наконец, они уходят. Кибрик и Сандро очень раздражены и ворчат. Если бы не это гостеприимство, с

вечера можно было бы с информантами договориться. А теперь лови их утром (что сейчас и происходит, Сандро уже бегал к одной учительнице – не застал дома; сейчас они с Кибриком ушли на поиски). Да и спать лечь рано не дали. И хоть бы угощение было. А то – водка с медом. Сандро еще сыр такой не ест – отравился им несколько лет назад, а теперь смотреть на него не может.

Кибрик рассказывает историю, как несколько лет назад они остановились где-то в палатке. В час ночи приехали какие-то шоферы, уже поддавши, и стали звать в гости. Причем звали с дикой настойчивостью и даже с угрозами – если не пойдете, палатки ваши разнесем. Кибрик с кем-то пошел (Сандро остался). Пришли к одному из шоферов. Дом только строится. Привели их в погреб. Шофер будил жену. Она тоже, видимо, была поддавши и послала его подальше. Тогда он нарвал на огороде какой-то кормовой моркови, потрескавшейся, громадных размеров, и принес канистру какого-то питья типа хмельного кваса, вкуса отвратительного, и – гостеприимство было оказано. И только часа в три гостям удалось унести ноги.

Но некоторые случаи гостеприимства они (Кибрик и Сандро) вспоминали с нежностью – и стол был хороший, и коньячок выставили.

А минут через сорок, сразу после того, как мы легли и уже заснули, было еще одно явление. В двери – высокая и прямая фигура. Оказалось – завхоз, вернувшийся из Агвали и обнаруживший гостей, долго шарил рукой и искал выключатель. Так и не нашел. Нам удалось ему втолковать, кто мы и почему. Он успокоился и ушел спать. Я предсказал появление еще более пьяного директора. Как выяснилось утром, он действительно приехал пьяным, но, слава Богу, лег спать и приказал не будить его ни при каких обстоятельствах.

Почти всю ночь шел дождь. Утром я проснулся оттого, что Сандро запустил башмаком в мышь. Было это в половине седьмого. Небо светлое. Сандро вышел – кричит: «Иди сюда». Я вылез. Он показывает на Богосский хребет – это в сторону Тинди, на юго-востоке. Ночью там выпал снег и вершины в снегу. Здорово. Умываемся у источника. Завтракаем. Сандро с Кибриком отправляются на поиски информантов.

***

Пришли Саша с Сандро, нашли информантку. А мы с другим Сашей – молодым – пошли за грибами. Лес на горе, метров двести вверх от деревни. Склон крутой, сверху кажется почти вертикальным, да и снизу тоже – круть. Никогда я на такой крутизне грибов не собирал. Ползаем, как мухи по стенке. Грибы есть. Не так много, как иногда на Кордоне, но и немало. За час, не больше, мы нашли с десятков подберезовиков и пол-авоськи лисичек. Грибы здесь собирают, но лисички, видимо, не берут (недавно начали собирать, у русских научились).

В лесу еще земляника, причем только первые ягоды – здесь высоко, на этой горке, наверное, километра два. А на гребень когда поднялись, вид – чудо. И Гаквари внизу, и Верхнее Гаквари, видно и другие деревни. И всю долину. А за ней – Богосский хребет и его снежные вершины. Тут по-другому, чем в Анди, но тоже очень красиво.

Возвращаемся – Сандро трудится уже с другим информантом. У него – катастрофа. Весь словарь был протонирован, но оказалось, что неверно. Сейчас он установил, что в этом (чамалинском) языке не два тона, высокий и низкий, а четыре, еще нисходящий и восходящий. Ему и раньше так казалось по магнитофонным записям, но в прошлый раз не удалось научить информантов их различать. Они говорят прозой, но не знают об этом. А сейчас ему попался хороший информант, учитель математики. Теперь нужно заново тонировать весь словарь, несколько сот слов. Может быть, придется здесь задержаться.

Мы с Сашей принимаемся за грибы – чистим их, моем, режем. Варю грибной суп и жарю лисички. Делаем салат. Обед будет шикарный. Но в процессе его подготовки выясняется ужасная вещь. Собирая овощи в эту поездку, я взял картонный ящик, на дно уложили картошку, свеклу, капусту, лук, чеснок, потом паприку. А потом стали аккуратно

укладывать помидоры, положив предварительно слой бумаги. Но тут произошла фатальная путаница. Рядом стоял такой же ящик с паприкой, я их перепутал и помидоры уложил туда. С этим ящиком мы и приехали, т. е. с громадным количеством паприки и помидорами, но без остальных овощей. Хорошо еще, что я решил, что взял мало луку и добавил его в сундук. Этот лук у нас и есть, после обеда осталось три головки. Ну ладно, проживем. Да, кроме того выяснилось, что укладывая посуду, Сандро взял только свою и Кибрикову миски, решив, что о своих мы сами позаботимся. А я видел, как он брал кружки, ложки и т.д. на всех и не беспокоился о посуде. И крышку от кастрюли мы не взяли.

После обеда Сандро опять принимается за дело, уже с другими информантами (к обеду мы его с трудом оторвали от информанта и я боюсь, что тот больше не придет, притомился).

А мы с Сашей только собрались за водой на источник, как полил дождь. Но я сообразил – собирать дождевую воду, которая лилась с крыш и в минуту набрал и флягу и ведра. И от такой удачи решил вымыть голову дождевой водой и теперь до очередной пыльной дороги дня два могу ходить с чистой головой.

Гаквари

Гаквари расположено в долине речки, впадающей в Андийское Койсу. Точнее, есть два Гаквари, Нижнее и Верхнее. Мы живем в Нижнем, а Верхнее – километрах в двух выше по речке (и метров на 200 выше). Долина сравнительно узкая, речка бурная, с водопадами, очень круто падает. Долина замыкается очень близко, всего в нескольких километрах вверху. Горы вокруг более высокие, чем в Анди. Пространства меньше. Все очень живописно, особенно если подняться выше. Сама деревня еще недавно, видимо, была совсем как раньше, земляного цвета и только сейчас начинает расцветиваться железными крышами и верандами, выкрашенными в цвет синьки. «Прогресс» явно нарушает сложившуюся стилистику.

18/VIII. Утро, после завтрака. Над нами каплет – с потолка. И довольно сильно. И я долго двигал свою раскладушку, пытаюсь найти место, где бы она не мокла.

Всю вторую половину дня вчера шел дождь, ненадолго переставая. В один из просветов я еще сбегал в горку, наверху шел в тумане, вернее – в облаке. Потом дождик. Я бегом домой. По дороге обнаружил, что нет капюшона от штормовки. Возвращаюсь, но не нахожу. Видимо, еще утром потерял, когда за грибами ходили. Еще одна потеря.

Возвращаюсь. Сандро продолжает пытаться своего информанта (один сбежал, а другой терпит, хотя уже полумертвый). И только в половине девятого его отпускают, и он уползает.

Пьем чай. Я предвкушаю, что рано ляжем. И только мы кончили, как – стук в дверь, и являются два абрека: «Сандро Васильевич, Сандро Васильевич!» Оказалось – бывшие информанты. В 75-м году, когда Сандро с Кибриком были здесь в первый раз, они были мальчишками, где-то в районе девятого класса. А сейчас один из них уже окончил институт, в среду женится. Услышал, что Сандро здесь, явился. Кибрика он почему-то не помнит. А Сандро его не помнит совершенно. Но для жениха и его приятеля Сандро – лучший друг. Они явились с двумя бутылками какого-то полуфабриката коньяку (этим краденым зельем торгуют в Хасавюрте, где коньячный завод) и чайником бузы. Выкладывают на стол какие-то конфеты и помидоры. А через некоторое время являются еще два их родственника. Так что опять застолье.

Стопку они приносят одну, так что питье – по очереди, наши посудины используются только для бузы (и то только одна кружка). В этот раз я практически не пью. Только бузу

попробовал – кисловатый напиток, первое впечатление, что не хмельной совсем. Но, видимо, это не совсем так.

Они пришли уже поддавши. Один из них, видимо, перебрал. Выходит на дождь и блюет. Саша (молодой) майку днем постирал, и она «сохла» под дождем. Абрек ею вытирается (это уже позже выяснилось). Потом он не выдерживает и уходит, а другой его сопровождает. Двое оставшихся уходят только в начале двенадцатого.

Почему-то их приход раздражает Сандро и Кибрика сильно меньше, чем вчерашнее гостеприимство. Для меня-то это все одно. Спать не дают. И интересного мало. Разве только этнографические и социологические впечатления. Вчерашний главный абрек, который кончил институт, устраивается на работу в Махачкалу, где есть влиятельные родственники и земляки. Он с энтузиазмом внедряется в эту городскую структуру. Невеста его – уже партийная. Он – еще нет. Но дядя – второй секретарь райкома в Махачкале, большой человек. Хвалится, что все может достать. Ездил в Москву – вез 3 кг черной икры, достал за эту икру номер-люкс в гостинице. В общем – не пропадет. Идеология – получше устроиться и побольше хапнуть. И все это абсолютно откровенно. Никакого прикрытия, даже фигового листка.

Утром сегодня дождя нет, но туман. Сейчас чуть развеивается. Может быть, снова за грибами или просто в горку. Сандро с Кибриком достали одного из вчерашних информантов – самого хорошего – и приволокли его. Сандро его насилует. Ему надо сегодня слов 500 протонировать.

18/VIII. 7 часов вечера. Утром слегка посветлело, и мы с Сашей пошли за грибами. Сегодня пошли чуть подальше, чем вчера. Грибов больше, чем вчера, подберезовиков довольно много. И лисички, как и в прошлый раз. Вернулись и стали тот же обед готовить, что и вчера.

19/VIII. Утро.

Продолжаю вчерашнее. Перед обедом было явление. Приходят мужчина и женщина московского вида. Кто-то из информантов их ведет. Женщина подходит к нашей двери и восклицает: «Действительно, голос Сандро!» Оказалось, что это Тамарочкина двоюродная сестра, Рита, со своим мужем Эриком, хирургом. Они приехали в гости к другу и коллеге Эрика по больнице, Магомеду. Магомед из Гаквари и каждое лето проводит здесь. Они приехали сегодня, услышали, что тут москвичи, лингвисты, стали спрашивать, как зовут, и услышали имя Сандро.

Приглашают на обед к Магомеду. Сандро и Кибрик договариваются на вечер, чтобы не останавливать работу. Погода хорошая, перед обедом идем к ручью – помыться, постираться.

После обеда Сандро принимается за очередных информантов, Кибрик проверяет словарь, тоже то и дело переспрашивая что-нибудь у информантов. А я лезу в гору. Прямо перед нами, на востоке, через ручеек, вершина метров на 500 над нами поднимается. Лезу на нее часа полтора. И не зря. Вид с нее – наверное, я никогда в жизни такого не видел. Вся наша долина, долина Койсу, какое-то плато на той стороне Койсу, аулы на нем. Внизу, в нашей долине, деревня, из которой Гусейн, учитель музыки. Туда нет автомобильной дороги и в деревне нет ни одной железной крыши, только земляные. Долина, где Тинди – все в какой-то дымке. Но из-за облаков ни Богосского хребта, ни верха нашей долины не видно.

Спускаюсь быстро, как всегда. По дороге много столбиков, сложенных из камней. Иногда они напоминают силуэт человека. Вроде бы их ставят, чтобы скот не забредал, куда не надо. А стада тут часто пасутся без пастухов, одно такое стадо я видел недалеко от вершины. Стадо отгоняют утром и пригоняют вечером. Самый лучший из информантов,

Шапи, учитель математики, сейчас этим занимается – его очередь, на 10 дней.

Возвращаясь, Сандро продолжает насиловать своих информантов. Они от него потихоньку сбегают, в конце остались две девочки – одна лет 13, другая лет 9.

В восемь идем к Магомеду, врачу. Он очень красивый мужчина, лет 30, черный, большой, ручищи – хирург. Лицо какое-то необычное для этих мест. Он давно в Москве, кандидат, вполне европейский человек. Оказывается, что он заочно знаком с Кибриком – прочитал заметку в «Правде» об экспедициях, написал Кибрику письмо, предлагал свою помощь. Санька ему звонил. Магомед очень живой человек, с каким-то романтическим интересом к науке и к нашей экспедиции. Явно восхищен работой Саньки и Сандро.

За столом – отчим Магомеда, местные гости, жена Магомеда, Эрик с Ритой, мы вчетвером. Стол очень простой, обычная еда – лепешки, сыр, брынза, масло. Из привозных вещей – коньяк (очень хороший – «Каспий») и картошка. Потом чай из тмина с медом. Вечер приятный. Около одиннадцати уходим.

Сегодня утро солнечное, видно Богосский хребет – жалко, что вчера с горки его не было видно, очень он хорош. В восемь Сандро ждет первую информантку, в девять, отогнав стадо, должен прийти Шапи. Есть надежда, что к обеду уедем.

Информантка не идет; Сандро идет за ней и приводит. Я иду на почту, даю Лиде^{*)} телеграмму – у нее завтра день рождения. Интересно, когда придет телеграмма. Сандро говорит, что нужно было вчера давать. И что будет с моим стишком на московском бланке? Тут телеграммы передают по телефону, в Агвали, райцентр, а там уже есть телеграфный аппарат. Так что текст может претерпеть сильные изменения.

19/VIII, около семи вечера. Инхоквари.

А утром в Гаквари Сандро проработал до половины одиннадцатого с этой информанткой, после чего она сбежала, говорит – дела, свадьба, просили помочь. Шапи так и не пришел. После нескольких дней дождей – прекрасная погода, все работают, сено нужно сушить и прочим операциям подвергать. И опять же – свадьба сегодня, это для всей деревни событие.

Так что сегодня толку явно не будет. Да и то, что сделано, нужно проверять. Они с Кибриком совещаются и решают ехать в Инхоквари, чтобы хотя бы там кончить. А сюда еще раз придется приезжать.

Тоны

Они открыли тоны в дагестанских языках в 1975 г., именно здесь, в Гаквари и Тинди. Тоновых языков много, например, китайский или литовский. Русским, приехавшим в Литву, кажется, что литовцы как бы выпевают свои слова. Но о том, что тоны есть в дагестанских языках, до сих пор не знали. Вообще о просодии в этих языках почти ничего не было известно. В книжках писали что-то мутное – есть слабое ударение. Они тоже долго над этим бились, не могли понять, в чем дело, искали ударение или несколько ударений в слове. И наконец догадались – тоны. Сандро и Кибрик тогда были в Гаквари, а в Тинди была еще одна группа – Старостин и другие. Они приехали в Тинди и говорят: «А у нас тоны». А им отвечают: «И у нас тоны».

Тоны – это мелодия, с которой произносится слово. Каждый слог произносится своим способом, в своем тоне – или высоко, или низко, или с подъемом голоса, или, наоборот – нисходящим тоном. Таким образом, у каждого слова свой тоновый рисунок. При изменении слова (в других падежах, в другом числе – у имен, в разных временах – у глагола) этот рисунок меняется. И, конечно, не произвольным образом, а по

определенным закономерностям. Все складывается в определенную систему. Не все комбинации возможны. Тоны взаимодействуют и с другими особенностями строения слова.

Как и мольеровский герой, не знавший, что он говорит прозой, чамалинцы не догадываются о том, что они пользуются тонами. Тоны, видимо, осознаются носителями языка труднее, чем, скажем, русскими ударение. Впрочем, может быть, если бы нас не учили в школе русскому языку и не говорили, что есть ударение, мы бы его тоже не осознавали. Интересно, что так называемых минимальных пар, т.е. слов, которые совпадают по звукам, но отличаются только тонами, очень мало. Так же, как в русском языке мало слов, которые отличаются только ударением. Поэтому на письме мы обычно не проставляем ударение. Это делается только в специальных изданиях для нерусских школ. Просодия – ударение, тоны, интонация и другие вещи такого типа – служат в основном не для смысловоразличения, а для организации речевого потока. Но это очень важная сторона организации языка и нельзя описывать язык, не касаясь просодии.

Задача Сандро – понять просодическую систему для каждого из изучаемых языков и проакцентировать словарь (в тоновых языках – протонировать), т.е. для каждого слова указать ударение, если оно есть, рисунок тонов и т.д. И вот как раз в чамалинском языке (в Гаквари), где тоны были открыты, эту систему тонов Сандро понял только сейчас. Тогда, в 1975 году, они лишь заметили тоны. В Москве Сандро слушал записи и получал какое-то представление о системе. В позапрошлом, 1979 году, когда они снова были в Гаквари с таким же кратковременным визитом, как и сейчас, ему попались неудачные информанты. Информанты бывают разные. Одни тоньше чувствуют язык, другие – хуже. У одних лучше слух, у других – хуже. И, наконец, одни понимают, что это – серьезная работа, а у других в это время в голове свои дела, мешающие им сосредоточиться. В общем, тогда Сандро не повезло и он принял неправильную гипотезу, упрощенную. И в соответствии с ней протонировал весь словарь. У него и тогда были сомнения – информанты часто были не уверены, все как-то плясало, не было устойчивым. Так всегда бывает, если факты пытаются укладывать в неправильную классификационную схему. А потом, уже позже, с большим опытом, он занимался тонами в других языках, в частности, в ахвакском (тоже, как и чамалинский, из андийской группы). И вот системы тонов в этих двух близких языках как-то плохо согласовывались. Сейчас, приехав в Гаквари, он думал, что нужно только кое-что доузнать, допроверить сомнительные случаи, внести исправления. И вдруг понял, что система тонов тут гораздо более сложная (и в то же время более близкая другим андийским языкам). Потратив много времени, он наконец разобрался в ней. И пришлось заново тонировать весь словарь, около тысячи слов – и у каждого – по несколько форм. Вот он и сидел, мучая информантов с утра до вечера. Их надолго не хватало. Уходил один, он искал другого. А каждого нужно заново научить разбираться в своем языке. Лучше всех был Шапи. Именно работая с ним, Сандро понял систему. И с Шапи работа по тонированию шла быстро. Но, увы, у него было много дел. Всего, наверное, сменилось человек шесть-семь. Сандро успел протонировать весь словарь имен и две трети глаголов. Но до конца так и не дошел – надо было уезжать в другие места. Придется приезжать в Гаквари снова, кончать эти глаголы, проверять то, что уже сделано. К тому же в Москве можно будет просмотреть весь этот материал, систематизировать его, увидеть сомнительные места, можно будет сравнить его с другими родственными языками. А потом, на будущий год – снова в Гаквари.

***

Собираемся и едем в Инхоквари. Это вверх по Койсу, а потом немного вверх по речке Хваршинке, впадающей в Койсу. Инхоквари ниже, чем Гаквари, но тут сравнительно низкое ущелье, солнце появляется поздно и рано исчезает. Тут довольно сыро.

Инхоквари знаменито своим источником – вода типа нарзана, посолонее немного и чуть менее газирована. Тут все называют ее нарзаном, не знаю, сравнивал ли кто-нибудь

состав солей. Источник не очень мощный, но всем жаждущим более чем достаточно. А жаждущих много. Все вокруг во всех районах знают о нем и ездят сюда лечить все болезни – пьют его, ванны принимают (вроде бы наверху действительно есть одна ванна, а внизу что-то вроде бассейна, но я не видел, чтобы там кто-нибудь сидел). Тут целый табор, вернее – несколько таборов, на всех удобных для стоянки местах – машины, палатки. Люди живут здесь неделями, проходя «курс лечения». Не знаю, кто им его назначает. Сами себе, наверное. И воду отсюда возят далеко. Нас уже в Гаквари этой водой угощали. А в Анди дали с собой несколько канистр, чтобы мы их наполнили тут.

Сама деревня разбросана по одному из склонов, я ее еще плохо изучил. Мы приехали, поставили палатку, постаравшись расположиться чуть подальше от табора. Пообедали. А еще до обеда Сандро и Кибрик нашли старого своего знакомого, Исмаила. Он тут председатель сельсовета. Исмаил уже был у них информантом, и они сильно на него надеялись, и в то же время боялись – вдруг уехал куда-нибудь. После обеда они сразу же сели за работу. Мы с Сашей сходили к источнику. Там рядом, в метре от источника, водопадик, ручей низвергается в речку. Попили, наполнили канистру. Потом я пошел погулять вверх по речке, прошел километра три. Очень живописно. Горы тут лесом покрыты – береза, сосна, еще что-то. Вдоль дороги кое-где растет грецкий орех и алыча (и то, и другое, увы, еще зелено). Ручьи впадают в речку. В общем, местность напоминает Карпаты. Но горы тут повыше.

За мной шел какой-то абрек. Когда я повернул назад, он пожелал со мной познакомиться. Алик. В дрезину пьян. Обещал прийти в гости, усек, что я из экспедиции, о ней уже все знают.

Начинает темнеть. Исмаил уже ерзает (мне, по крайней мере, так кажется). Надеюсь, что сегодня спать ляжем рано, не будет никакой попойки.

20/VIII.

Лидин день рождения. Интересно, получила ли она мою телеграмму и в каком виде?

Сейчас утро, после завтрака. Исмаил, обещавший прийти в девять, что-то не идет. Но тут девять – это *figure of speech*. Придет в десять – хорошо. Только написал, как он пришел. Точный человек. Саша что-то с пузом мучается, уже промывали его марганцовкой и чаем, фталазолом пользовали.

21/VIII. Полдень, Тинди.

Продолжу вчерашнее. После завтрака мы с Кибриком пошли за грибами, оставив Сашу отлеживаться, а Сандро – пытаться Исмаила. Полезли на гору. Вначале было довольно много грибов – маслята (есть сосны), подберезовики, волнушки и даже два рыжика я нашел. А потом мы стали карабкаться все выше, надеясь достичь вершины. Грибы скоро исчезли, мы лезли и лезли по чащобе, а горке конца не было. Троп – никаких. Забрались мы очень высоко и, видимо, были уже близко от вершины. Склон стал гораздо более пологим, стадо паслось. Вырубка, полно малины, но еще зеленой. Но было поздно, мы начали спускаться и минут через сорок были внизу.

Сандро уже кончал работу с Исмаилом. Тут тоже повторилась гакваринская история, раньше предполагалась неправильная система тонов, словесная. А оказалось, что и здесь – слоговая, и Сандро перетонировал весь словарь. Работал он с Исмаилом быстро. Исмаил – идеальный информант. Ему около пятидесяти, он бывший школьный учитель, а сейчас, как я уже писал, председатель сельсовета. Свою информантскую деятельность он начинал еще в девятом классе с Бокаревым, одним из первых исследователей инхокваринского языка.

Обедали вместе с Исмаилом. Я наскоро сварил грибной суп, сделал салат из помидор и

паприки. Достали сала и колбасы. Кибрик извлек заветную поллитру.

А после обеда поехали в Хварши. Это выше по речке, раньше туда дороги не было. И даже за Хварши и за следующую деревню, Хонох, в самый конец долины, откуда хорошо видно (близко!) одну из главных вершин Богосского хребта, пик Магомеда Гаджиева. А до ледника – рукой подать, километра два. Очень живописно и... прохладно – довольно высоко, тысячи две с лишним.

На обратном пути заехали в Хварши посмотреть на минарет. Исмаил говорит, что минарет – XIV века. Реставрировали его недавно. Домой. Чай – и спать.

Встали в шесть. После завтрака пошли к Исмаилу. Кибрик обещал сфотографировать его со всем семейством, десять человек – у него восемь детей, и как раз все в сборе. А после этого Исмаил долго уговаривал нас распить бутылку водки. С трудом отвернулись (это удивительно. Исмаил сам почти не пьет, не любит. Вообще он человек более чем достойный. Но вот считает своим долгом предложить выпить. И Кибрик вчера тоже считал своим долгом поставить поллитру).

В десять уже уехали, набрав все емкости инхокваринской воды. Поехали в Тинди. В 11 были уже там. Остановились около школы – есть надежда, что сегодня они все сделают – тогда не нужно распаковываться и устраиваться, вечером будем дома, в Анди. Хорошо бы. Тогда завтра можно на ярмарку сходить утром. И вообще спокойно прожить два дня до отъезда.

Кибрик с Сандро сходу изловили двух информантов и сидят, работают. А по дороге в Тинди Сандро рассказывал мне, что он очень доволен визитом в Инхоквари – понял систему тонов и протонировал весь словарь.

Здесь, в Тинди, я уже пробежался по деревне. Она непохожа на те, которые я раньше видел. Узенькие щели – проходы между домами, часто под галереями. Мечеть с минаретом – табличка, что это памятник архитектуры государственного значения, 13–18 век.

Сегодня дикая жара и дико хочется спать.

22/VIII. 2 часа дня, Анди.

В Тинди пробыли вчера до 5 часов. Обедали у одного из информантов. Захватили, правда, с собой и свой продукт – тушенку, кастрюлю макарон, оставшуюся с завтрака, что-то к чаю. После обеда я поднялся немного над деревней, но недалеко, жарко было, и я был какой-то квелый. В пять Сандро с Кибриком кончили свои дела, и мы поехали. Длинная и довольно утомительная дорога, с остановками в Агвали и Ботлихе.

В Агвали купили хлеба. Продовольственный магазин был закрыт, зашли в кафе – Кибрик хотел купить вина и спрашивал, с наценкой ли оно. Встают из-за стола два каких-то парня, бросаются к нам, что-то говорят. Нам кажется, что увлекают пить. Отбиваемся. Но выясняется, что это шоферы, которым накануне в Хварши Саша отлил ведро бензина. Они покупают две бутылки портвейна и суют их нам. Мы отдаем их Саше и потом все время шутим, что он пьет бензин.

Застреваем в Ботлихе. Саша едет заправляться. Сандро встречает каких-то московских знакомых. Откуда-то возникает Гаджи-Магомед. Говорит, что сейчас нам фруктов организует. Саша возвращается, едем к какому-то дому и нам выносят ящик сливы и полмешка яблок.

Едем домой. Опять эти противные повороты. Уж очень их много. Наконец – дома. Публика, оставшаяся в Анди, цветет. Ходили в горы, все загорелые и полные впечатлений. Садимся за стол, ужинаем и даже немного выпиваем.

А сегодня с утра – на ярмарку в Гагатли. Все поехали на машине, а я пошел пешком. Надоело трястись, а по тропе – минут сорок быстрого ходу. На ярмарке не слишком интересно. Торгуют баранами, бараниной, лошадь продавали верховую за 1200 руб. Сидит

много женщин – торгуют всякими магазинными товарами.

23/VIII. Утро, до завтрака.

Вчера я нашел-таки на ярмарке подходящий товар – кнут (или хлыст) для лошади. Ребенку^{*)}, может быть, понравится. Кнут – короткая рукоятка, к которой приделана трубочка, удивительно тонко сплетенная из кожи. И на конце трубочки – кусок кожи (которым и бьют лошадей). Трубочка очень тугая и гибкая, ударить можно очень сильно. В общем, для лошадиников кнут – лучший подарок. Санька, узнав, что я купил кнут, сгонял с Сашей на ярмарку и купил такой же для Нинуси^{*)}.

А обратно с ярмарки пешком пошли уже почти все, спустились к тамошнему ручью, выкупались. Яркое солнце, и хотя ручей холодный, лечь в него очень приятно. А еще приятнее встать из него.

Перед обедом, уже вернувшись в Анди, мы с Сандро устроили на источнике постирушки, изумляя местных женщин. После обеда народ работал. Все уже обрабатывают свой материал, пишут отчеты, кое-что доспрашивают у информантов.

А сегодня едем через Риквани на горку, которую видно из окна. Там перевал и через него – автомобильная дорога. А с перевала надеемся влезть на вершину. Плохо только, что дороги никто не знает. Поездка эта на сегодня назначалась и отменялась несколько раз (за вечер и утро), погода менялась, то облака, то небо голубое. Сейчас небо вроде бы чистое – едем.

И съездили. И очень неплохо. Хотя, пока ехали, небо затянуло облаками и дождичек пошел. Но на перевале дождя уже не было, просветления начались, но облака то и дело надвигались и на гору, и на перевал.

Поднялись на вершину. Не очень высоко от перевала, метров 200. А там даже на одну скалу слазили, метров 5 высотой, вертикальную. Это мы вчетвером – Тенька, Мира, Миша Селезнев и я. Посидели на вершине с час, спустились, перекусили и обратно поехали, уже по другой дороге, через Гагатли. Дорога скверная. Зато по дороге, перед самым Гагатли, ручей тот же, в котором мы в субботу купались. Но тут, выше деревни, водопад. Выкупались и домой. Приехали уже в пятом часу. Скоро будет прощальный пир.

***

На этом мои записи обрываются. Что еще было? Был этот прощальный пир – прощание с Мирой и со мной – на следующее утро мы уезжали в Москву... И Сандро, и Катя с Володей Плунгяном стишки в нашу честь (в основном – в Мирину) читали. А экспедиция еще с неделю работала в Анди.

Уже в Москве было несколько экспедиционных гулянок. На последней и основной, так сказать, официальной, показывали кино, снятое в экспедиции (и старые фильмы о предыдущих экспедициях) и слайды. А вот с фотографиями – беда, все пленки оказались испорченными. Что-то с аппаратом случилось.

Добавление– «андийские» песни и стихи Сандро

Песни

Кибрическая

Нас снова в путь влечет
неугомонность Кибра,
Мы грузим сундуки
предельного калибра.

Стенай и трепещи,
заоблачный Кавказ!
Остерегайтесь нас,
не пощадим мы вас!

Разграблен Хиналуг,
покорены арчинцы,
Но держатся еще
цахуры и даргинцы.
Мы высадим десант
на станции Хачмас –
Остерегайтесь нас!
Не пощадим мы вас!

Об нас идет молва
от Вены до Аляски.
И камчадал про нас
рассказывает сказки.
А в Вывенке-реке
захватим мы баркас.
Остерегайтесь нас!
Не пощадим мы вас!

В селение Анди
направим мы колеса:
Нужны нам языки
для строгого допроса.
Беги, покуда цел,
наивный информант!
Сегодня вольный ты,
а завтра арестант!

Кампанию завершив,
зарежем мы барана.
Наполним кубки вновь
за Кибра-атамана.
Стенай и трепещи,
заоблачный Кавказ!
Остерегайтесь нас,
Не пощадим мы вас!

Дорожная

Мы едем и едим, дороги проза
Успокоительно проста.
И машинист электровоза
Читает мерный ход с листа.

Поля и реки, лес и небо
Бегут в запыленном окне.
И сладок вкус воды и хлеба...

Так отчего ж так грустно мне?

Андийский вальс

Позади городов этажи.
Перед нами андийские дали.
И плывут миражи, миражи,
О которых мы в детстве мечтали.

За туманным Богосским хребтом
Поднимаются снежные Анды.
Осеняя дорогу крестом,
Гордо скачут кастильские гранды.

Там на юге, вблизи Кидеро,
Где вершины похожи на Альпы,
Протянул кандалы Писсаро
Легковерному Атахуальпе.

Там в бездонной дали голубой
Часто видится снова и снова:
В океанский пенистый прибой
Входит в латах отважный Бальбоа.

И по воле ацтекских небес,
Оставляя несметные суммы,
Отступает кровавый Кортес
Из горящих дворцов Монтесумы.

Позади городов этажи,
Перед нами андийские дали.
И плывут миражи, миражи,
О которых мы в детстве мечтали.

Шуточные стихи

Анюте

Когда со мной сидит Анюта
Мне не до пошлого уюта.
С огнем небесным как бороться?
Весь полыхаю от эмоций.^{*)}

Гаквари

Обидно – что не говори –
Ни с чем покинуть Гаквари.
Опять тонировать глагол
Мне предстоит. Я страшно зол.

Мире

Поведал нам Бергсон
Про жизненную силу,
Да старость и болезнь
Свели его в могилу.

Но жизненную силу
Не выдумал Бергсон.
Она явилась миру
Как Мира Бергельсон.

Разряды этой силы
Как молния и гром.
Так дайте ж насладиться
Живительным дождем!

Володе

Почто могучему Володе
Сидеть в домашнем огороде?

Нужны приятные нам лица
Для дагестанских экспедиций.

Усилит наши он активы,
Освоив срочно абруптивы.

А где ж заняться каратэ,
Как не в небесной Карате?

Прекрасен гор протуберанец...
Ты наш, Владимир-дагестанец!